

ISSN 2075-4515

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

2011 ВЫПУСК 1 (31)

Точка зрения редакции
может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал
«Ученые записки Санкт-Петербургской академии
управления и экономики» обязательна

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ
УПРАВЛЕНИЯ
И ЭКОНОМИКИ**

2011 ВЫПУСК 1 (31)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

№ 1 (31) • 2011

Главный редактор

*В. А. ГНЕВКО, доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

Редакционный совет

- Л. А. АНОСОВА, начальник Отдела общественных наук РАН, заместитель академика-секретаря по научно-организационной работе Отделения общественных наук РАН, доктор экономических наук, профессор;*
В. БЕРГМАНН, заместитель генерального секретаря Германской службы академических обменов (DAAD), доктор юридических наук, профессор;
И. И. ЕЛИСЕЕВА, директор Социологического института РАН, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН;
В. Б. ИСАКОВ, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ;
С. В. КУЗНЕЦОВ, директор Института проблем региональной экономики РАН, доктор экономических наук, профессор;
В. Е. СЕМЕНОВ, директор Научно-исследовательского института конкретных социологических исследований факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллегия

- В. А. ГНЕВКО, главный редактор, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;*
Б. Б. КОВАЛЕНКО, заместитель главного редактора, доктор экономических наук, профессор;
В. О. БАХАРЕВ, доктор экономических наук, профессор;
С. С. БРАЗЕВИЧ, доктор социологических наук, профессор;
П. П. ГЛУЩЕНКО, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;
А. И. ДОБРЫНИН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
Е. С. ИВЛЕВА, доктор экономических наук, профессор;
Ю. В. КУЗНЕЦОВ, доктор экономических наук, профессор;
Я. А. МАРГУЛЯН, доктор социологических наук, профессор;
С. А. УВАРОВ, доктор экономических наук, профессор

Научные редакторы выпуска

- В. Н. САМОТУГА, кандидат исторических наук, доцент;*
Ю. А. СОКОЛОВА, кандидат экономических наук, доцент

Адрес редакции: 190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., д. 44, лит. А.
Тел.: 363-11-69.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru; izdat@spbame.ru

© Коллектив авторов, 2011
© Санкт-Петербургская академия
управления и экономики, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Экономическая теория и институциональная экономика

- О. Н. Прохорова.* Фактор инновационной активности предприятий в посткризисной модели российской экономики 7

Региональная экономика

- В. А. Поникаров, Е. В. Горбачевская.* Кластеризация региональной экономики России 22
- Ю. А. Михайлова.* Влияние мирового экономического кризиса на развитие Сингапура как международного финансового центра 32

Экономика предпринимательства. Факторы: инновации, образование, управление, производство

- Н. И. Данилова.* Основные направления развития инновационного потенциала молодежи 39
- В. А. Кунин.* Формирование системы показателей эффективности предпринимательства 48
- Т. В. Чиркова.* Концепция повышения эффективности управления компанией 57
- Т. Г. Суржок.* Повышение образовательной направленности физкультурной деятельности молодежи 62
- Т. Н. Гунбина.* Проблемы нововведений в управлении затратами 69
- А. Н. Бирюков.* Перспективность общесистемных закономерностей для комбинированного подхода к анализу систем бюджетирования 89
- О. А. Тарасова.* Концепция профессионально ориентированной направленности дисциплины «Физическая культура» в подготовке будущих менеджеров 93
- Н. А. Солодкина.* Современная региональная политика ЕС в отношении малого и среднего бизнеса 97
- Ю. А. Клоков.* Корпоративная культура предпринимательских организаций в экономике (зарубежный опыт) 105

Юридические науки правового государства

- Е. Г. Драпеко, П. П. Глуценко.* Конституционные права и свободы граждан в механизме культурно-правовых отношений 110

Социальная психология

- В. В. Карпов.* Социально-психологические феномены подразделений организации как факторы их эффективности 120
- Т. Г. Кукулите.* Основные подходы к изучению самоотношения личности в зарубежной психологии 127

Научные исследования молодых ученых

- А. В. Тутинас.* Порядок и особенности обжалования нотариальных действий или отказа в их совершении 133
- В. В. Сокрута.* Основные факторы оценки инвестиционной привлекательности страны и региона 138

<i>Е. С. Долгих.</i> Проблемы предпринимательства, работающего в социальной сфере, и пути их решения	144
<i>Е. А. Зоткина.</i> Проблемы и перспективы развития ипотечного кредитования в Российской Федерации.....	149
<i>Т. И. Луканина.</i> Конституционно-правовое нарушение в сфере выборов как процессуальное основание для отказа в регистрации кандидата	155
<i>М. Залиева.</i> Влияние корпоративной культуры на стратегию и деятельность предприятия	163
<i>Ю. О. Руцки.</i> Инновационные процессы в сфере услуг	172
<i>И. О. Рындин.</i> Основные ограничения, риски и проблемы создания особых экономических зон технико-внедренческого типа	177
<i>Основные требования к оформлению рукописей при сдаче в издательство.....</i>	184

CONTENTS

Economics and institutional economy

- O. N. Prohorova.* The factor of innovative activity of the enterprises in postcrisis model of the Russian economy. 7

Regional economy

- V. A. Ponikarov, E. V. Gorbachevskaya.* Regional economy clusterization in Russia . . . 22
- Yu. A. Mikhaylova.* Influence of world depression on development of Singapore as an international financial center. 32

Entrepreneur economy.

Factors: innovation, education, management, production

- N. I. Danilova.* Main trends in development of youth innovative potential. 39
- V. A. Kunin.* Generation of an indicator system for entrepreneurship efficiency. 48
- T. V. Chirkova.* The concept of company management improvement 57
- T. G. Surzhok.* Improvement of educational orientation in youth physical training . . . 62
- T. N. Gunbina.* Problems of innovations in management of expenses. 69
- A. N. Biryukov.* Availability of general system regularities for a combined approach to the budgeting system analysis. 89
- O. A. Tarasova.* The concept of professionally oriented directivity in «Physical Training» as a discipline for training of prospective managers. 93
- N. A. Solodkina.* EU regional policy in respect to small and medium business. 97
- Yu. A. Klovov.* Corporate culture of business organizations in economy (foreign experience) 105

Legal sciences of law-based state

- E. G. Drapeko, P. P. Glushchenko.* Constitutional rights and freedoms of citizens in the mechanism of cultural-legal relations 110

Social psychology

- V. V. Karpov.* Socio-psychological phenomena in an organization's units as factors of their efficiency 120
- T. G. Kukulite.* The basic approaches to studying of the self-relation of the person in foreign psychology 127

Scientific and research student works

- A. V. Tutinas.* The order and peculiarities in appeal against notarial acts or refusal to make out such acts. 133
- V. V. Sokruta.* Key factors in evaluation of a country's and region's investment attractiveness 138
- E. S. Dolgikh.* Problems encountered by business in social sphere, and ways to resolve them 144
- E. A. Zotkina.* Problems and prospects for development of mortgage lending in the Russian Federation 149

<i>T. I. Lukanina.</i> Constitutional-legal violation in elections as a procedural ground for refusal to register a candidate.....	155
<i>M. Zaliyeva.</i> Influence of corporate culture on the enterprise strategy and activity ..	163
<i>Yu. O. Rutsik.</i> Innovation processes in the sphere of services	172
<i>I. O. Ryndin.</i> The basic restrictions, risks and problems for creation of special economic zones for technology of innovations type	177

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 338.124.4

О. Н. Прохорова

Фактор инновационной активности предприятий в посткризисной модели российской экономики

O. N. Prohorova. The factor of innovative activity of the enterprises in postcrisis model of the Russian economy

В статье автор рассматривает необходимость внедрения инноваций в современной хозяйственной системе России, показывает механизмы создания новых инновационных компаний, выделяет государственные приоритеты в период посткризисного развития России. Главный тезис данной работы состоит в том, что в посткризисный период большой резерв для модернизации экономики России заложен в организационно-институциональных преобразованиях и развитии инноваций.

Ключевые слова: институциональные преобразования, антикризисные меры, модернизация экономики, экспортно-сырьевая и инновационная модели экономики, инновационная активность, инвестиционный климат, трехфакторная модель экономического роста, промышленная политика, нанотехнологии, кластеры, интегрированные бизнес-группы, рыночные институты

Контактные данные: 185014, г. Петрозаводск, ул. Попова, д. 8

In this article the author considers necessity of innovations introduction for modern economic system of Russia, shows mechanisms of creation of the new innovative companies, allocates the state priorities in postcrisis development of Russia. The main thesis of the given work consists that during the postcrisis period the big reserve for modernization of economy in Russia is put in organizational-institutional transformations and development of innovations.

Keywords: institutional transformations, antirecessionary measures, economy modernization, export-raw and innovative models of economy, innovative activity, investment climate, three-factorial model of economic growth, industrial policy, nanotechnologies, clusters, the integrated business groups, market institutes

Contact information: 185014, Petrozavodsk, ul. Popova, 8

Экспортно-сырьевая модель экономики, доминирующая в современной России, давно критикуется многими экономистами. Развитие текущей кризисной ситуации в нашей экономике очередной раз подтверждает точку зрения о том, что однобокая экспортно-сырьевая направленность экономики не обеспечивает

Оксана Николаевна Прохорова — доцент Петрозаводского филиала Санкт-Петербургской академии управления и экономики, кандидат экономических наук.

© О. Н. Прохорова, 2011

ее долгосрочного развития. Объяснение этому простое. Когда при высоких ценах на нефть доходы от экспорта сырья постоянно растут, политика российского правительства сводится лишь к казначейской функции: главным образом, как получить, распределить и перераспределить полученные источники доходов. Соответственно, задача устойчивого экономического роста или инвестирования в развитие экономики отходит на второй план.

Обрушившиеся в IV квартале 2008 г. нефтяные котировки в геометрической прогрессии усилили негативные тенденции во всей российской экономике, особенно в машиностроении, стройиндустрии, химии и даже металлургии.

Согласно данным Росстата, если в IV квартале 2008 г. прирост ВВП в России составлял 1,2%, то в I квартале 2009 г. уже отмечается падение ВВП (-9,5%), что заметно ниже, чем в США (-2,6%), Германии (-6,7%), в то время как в Китае в этот период отмечается прирост ВВП (6,1%).

Проследим, какова экономическая суть основных антикризисных мер, принятых правительством России в ответ на мировой финансово-экономический кризис.

Во-первых, это предоставление стабилизационных средне- и краткосрочных кредитов 295 системообразующим предприятиям (например, ОАО «РЖД», ОАО «Аэрофлот — российские авиалинии», ОАО «НК „Лукойл”», ОАО «Вымпелком», ОАО «ГМК Норильский никель», ОАО «АвтоВАЗ», ОАО «Лента» и др.) в форме кредитования по государственным гарантиям, субсидирования процентной ставки на госзаказ, реструктуризации налоговой задолженности и др.

Стабилизационные кредиты, являясь прямым финансированием данных предприятий, не обеспечивают мультипликационного эффекта в экономике, поскольку практически слабо влияют на агрегированный спрос в рамках страны в целом.

Для того чтобы эти кредиты стимулировали предприятия к вложению инвестиций в производство и развитие бизнеса, они должны выдаваться под реальные программы модернизации производства и персональную ответственность руководства системообразующих предприятий.

Вторая мера российского правительства была связана с сокращением операционных затрат. Естественная реакция большинства предприятий в условиях кризиса — придерживаться стратегии минимизации издержек. Вместе с тем, статистика показывает, что доля услуг монополистов (энергоснабжение, транспорт и коммунальные услуги) настолько высока по сравнению с кризисом 1998 г., что снижение предприятиями расходов на оплату труда и производственные затраты все равно не покрывает высокие тарифы монополистов.

Возьмем, к примеру, тарифы на услуги ЖКХ. Они формируются с учетом себестоимости продукции (работ, услуг) на рынке ЖКХ, представляют собой стоимостную оценку используемых в процессе производства продукции (работ, услуг) природных ресурсов, сырья, материалов, топлива, энергии, основных фондов, трудовых ресурсов, а также других затрат на их производство и реализацию.

В условиях рыночных отношений, когда цены на сырье и материалы меняются непрерывно в течение года, изменение тарифов на коммунальные услуги является неизбежным.

Государство может обеспечить только плановость такого изменения тарифов и гарантировать их экономическую обоснованность. Помимо естественных инфляционных процессов рост тарифов также обусловлен текущим состоянием основных фондов, выполнением не только мероприятий по обслуживанию и текущему ремонту основных средств, но и необходимостью выполнения капитальных ремонтов и их реконструкции.

Обоснование роста тарифов сводится, как правило, к изношенности сетей, необходимости их реконструкции и модернизации. Бесконечное повышение тарифов ложится непосильным бременем и на промышленные предприятия, и на строительство, транспорт, металлургию и, конечно, на граждан, но не стимулирует при этом производителей и поставщиков энергоресурсов сокращать свои издержки.

Пока государство не определит предельную величину этих издержек, ничего не изменится. Кроме того, существует статистика, по которой из-за отсутствия культуры энергосбережения Россия теряет или впустую расходует 40–50% энергии, что даже для страны, богатой энергоресурсами, — непозволительная роскошь.

Отсутствие комплексного подхода к развитию альтернативных и сохранению невозобновляемых источников энергии, внедрению энергосберегающих технологий и оборудования может привести к тому, что повышение в России цен на энергоресурсы, в том числе на газ, к которому призывают Министерство экономического развития РФ, естественные монополии и иностранные партнеры, значительно снизит конкурентоспособность российских предприятий.

Третий блок антикризисных мероприятий — это меры Центробанка России по стабилизации финансовой системы и санированию банков «первой сотни» из средств золотовалютных резервов. Вместе с тем, для большей части российских предприятий реального сектора предоставляемые коммерческими банками процентные ставки в 20–25% не позволяют поддерживать положительный уровень рентабельности, что в итоге ведет к снижению капитализации большинства отечественных предприятий.

На основе данных Росстата о рентабельности различных отраслей промышленности России за 2008 г. можно сделать вывод, что рентабельность выше 20% достижима лишь в сырьевом секторе нашей экономике, все обрабатывающие отрасли имеют рентабельность ниже 16,6%.

Россия не сможет быть конкурентоспособной и ведущей мировой экономикой, пока будет иметь такие низкие темпы развития производительности труда в обрабатывающей промышленности.

Современные исследования показывают, что более чем на 50% это отставание можно компенсировать за счет оптимизации бизнес-процессов; на втором и третьем месте, соответственно, обеспечение конкурентной среды (общего уровня экономики) и технического потенциала.

К другим аргументам, доказывающим несостоятельность экспортно-сырьевой модели экономики в долгосрочном периоде, можно отнести следующие.

- Экспортно-сырьевая модель экономики не нуждается в развитии малого предпринимательства, так как при усиленной роли государства (от федеральных средств финансирования зависит сейчас более 35% населения России) ему легче оказать социальную поддержку и предоставить населению работу в госсекторе, что как результат ведет к росту социальной пассивности общества. Согласно информации Торгово-промышленной палаты РФ, доля малого бизнеса в ВВП России составляет в последние годы в среднем 12% (для сравнения в экономике Италии — 70%, США — 40%).
- Экономики, живущие за счет сырьевого экспорта, как правило, не избегают так называемой «голландской болезни», приводящей к инфляции. В России ситуация с управлением инфляционными процессами усугубляется неразвитостью рыночных институтов (например, института права собственности), высоким уровнем монополизации экономики и недостаточным качеством услуг государства, что, безусловно, отрицательно сказывается на инвестиционном климате. В целом, недостаток инвестиций в реальном секторе России существенно тормозит ее экономическое развитие.

- Сниженная инновационная активность¹ участников рынка на фоне неблагоприятных условий ведения бизнеса: высокой налоговой нагрузки (50–55%), административных барьерах, плохо развитой инфраструктуры, коррупции и др. По данным исследования «Doing business», проведенного Всемирным банком на предмет комфортности ведения бизнеса, Россия занимает всего лишь 120-е место из 181 государств.
- Низкая доля среднего класса в обществе. Правда, из выступлений Д. Медведева: «Малый бизнес — это база для развития предпринимательской активности и основа расширения среднего класса, который к 2020 году должен составить в России до 60–70%».
- Функционирование экономики в режиме «коротких денег» и вечный недостаток «длинных денег» в реальном секторе экономики, так как изживенческий характер экспортно-сырьевой модели не стимулирует поиск новых долгосрочных источников доходов.

Можно продолжать список факторов отрицательного влияния экспортно-сырьевой модели на экономику страны, но автору представляется, что приведенные аргументы на фоне не радующей статистики и так достаточно убедительны.

Конструктивнее не искать тех, кто виноват, а решать то, что делать в сложившейся ситуации. По мнению автора, выход в движении к конкурентоспособной, инновационной экономике за счет развития рыночных институтов и промышленной политики в России, которые будут стимулировать развитие, прежде всего, промышленного спроса на внутреннем рынке страны.

Главный аргумент в пользу перехода на инновационную (конкурентоспособную) экономику состоит в том, что по сравнению с экспортно-сырьевой моделью она позволяет снизить риски падения экономики за счет увеличения добавленной стоимости в обрабатывающем секторе.

Деньги, пришедшие в Россию на волне благоприятной нефтяной конъюнктуры, не могут принципиально изменить ситуацию на финансовом рынке. Их владельцы знают, что такие доходы — случайность, и стремятся разместить их на короткое время с как можно более высокой доходностью. Поэтому основными чертами посткризисной модели российской экономики автору видятся:

- 1) поддержка инновационной активности отечественных предприятий;
- 2) стимулирование внутреннего спроса на продукцию отечественных производителей путем создания благоприятных экономических условий и стимулов, при которых будет выгодно производить в России (завершение реформ естественных монополий, оптимизация налогообложения и т. д.);
- 3) снижение уровня коррупции;
- 4) рост производительности труда;
- 5) развитие конкурентной среды;
- 6) увеличение доли средних и малых предприятий несырьевого сектора в ВВП России;
- 7) развитие рыночных институтов (например, защиты конкуренции, защиты прав кредитора, прав должника, институт гарантий и т. д.);
- 8) развитие научного потенциала, повышение качества образования и государственных услуг, отвечающих запросам инновационной экономики.

Для долгосрочного развития России решающее значение имеет инвестиционный климат. Инвестиционный климат определяется автором как один из макро-

¹ Под инвестиционной активностью экономических субъектов понимается их активная деятельность по созданию, освоению, распространению и использованию инноваций как процесса создания новых благ (товаров/услуг с новыми качествами), имеющих ценность для конечных потребителей.

экономических показателей конкурентоспособности национальной экономики, включающий в себя такие составляющие, как долгосрочная макроэкономическая стабильность; стабильность законодательства, обеспечивающего права инвесторов; развитие деловой инфраструктуры, в том числе сферы финансовых, юридических и иных услуг, а также финансовая и юридическая прозрачность компаний, обычаи делового оборота, т. е. институты.

Под долгосрочной макроэкономической стабильностью инвесторы понимают вовсе не численные значения годовой инфляции и даже не конкретные значения валютного курса. От этих показателей требуется только предсказуемость. Под долгосрочной стабильностью, в первую очередь, понимается устойчивый экономический рост. Причем чем он выше, тем выше интерес инвесторов. При годовом росте в 3–5% интерес инвесторов умеренный, при росте в 8–10% он становится активным. Заметим, что инвестиции в точки роста — часть стратегий крупнейших корпораций.

При нулевом или отрицательном росте интерес инвесторов вызывают лишь проекты, ориентированные на экспорт. По последним прогнозам Минэкономразвития РФ, к 2011 г. ВВП вырастет на 3% [1].

Нет сомнений, что при сложившейся отраслевой структуре экономики страны, ее государственных и рыночных институтов темпы 8–10% являются недостижимыми. Вместе с тем, существует точка зрения, что для России важна больше не величина темпов экономического роста, а наличие на государственном уровне ясной экономической стратегии и усиление инвестиций в развитие институциональной экономики и соответствующих институтов. Инвестиции в большом объеме возможны только тогда, когда хозяйствующие субъекты — и кредиторы, и заемщики — могут позволить себе длинные горизонты планирования.

Понимание закономерностей современного экономического развития позволяет выявить необходимые условия для обеспечения экономического роста, которые должны обязательно соблюдаться в экономической политике. В частности, важной особенностью нового технологического уклада стал переход к непрерывному инновационному процессу в практике управления.

Проведение НИОКР занимает все больший вес в инвестиционных расходах, превышая в наукоемких отраслях расходы на приобретение оборудования и строительство. Одновременно повышается значение государственной научно-технической, инновационной и образовательной политики, определяющей общие условия научно-технического прогресса в отдельных странах.

Постоянно растет доля расходов на науку в ВВП развитых стран, которая приближается к 3% ВВП, при этом доля государства в этих расходах составляет в среднем 35–40% [2, с. 3]. Интенсивность НИОКР во многом определяет сегодня уровень экономического развития. В глобальной экономической конкуренции выигрывают те страны, которые обеспечивают благоприятные условия для научных исследований и научно-технического прогресса.

Экономический подъем связан с накоплением реального капитала. Чтобы капитал накапливался, требуется верное соотношение действительной и естественной норм процента, а именно превышение ожидаемой производительности реального капитала над платой за кредит. Напоминаем, что данное положение содержится в концепции К. Викаля. Соответственно, для того чтобы управлять реальной и естественной нормами процента, необходимо осуществлять две политики: 1) промышленную политику для управления нормой естественной нормой и 2) политику создания капитальной базы экономики для управления действительной.

По мнению автора, модель факторов экономического роста, состоящая только из двух вышеуказанных факторов (промышленной политики и капитальной базы),

является неполной и не учитывает историко-логический генезис экономической системы.

В современной экономической теории особое место занимает институционалистское направление. Современное экономическое состояние характеризуется наличием множества экономических субъектов воздействия на макроэкономическую среду: это немонополистические и монополистические капиталы, государство и международные институты.

Воздействие осуществляется как с помощью финансовых, кредитных, социальных рычагов, так и за счет институциональных и иных механизмов. На этом основании автор считает логичным включить в модель-систему факторов экономического роста третий необходимый элемент — развитие рыночных институтов.

Таким образом, с учетом современной историко-логической концепции развития экономической системы рабочей моделью анализа качественных факторов роста экономики, которая будет рассмотрена нами ниже, предлагается рассматривать модель, включающую следующие три фактора:

- 1) промышленная политика;
- 2) капитальная база;
- 3) экономические институты.

Остановимся на каждом из этих факторов подробнее применительно к российской экономике. Начнем рассмотрение с промышленной политики.

Новая теория экономического роста по аналогии с новой теорией внешней торговли доказывает, что государственное вмешательство содействует повышению благосостояния. Тем самым промышленная политика получает систематическое теоретическое обоснование. Но насколько однозначным был этот результат, настолько слабыми в смысле действенности оказались рекомендации. Ведь теория в состоянии лишь продемонстрировать, что акты вмешательства как таковые могут стимулировать рост, но она не может сделать из этого каких-то выводов в отношении того, какую отрасль промышленности следует стимулировать.

И все же политическая практика восприняла подобную аргументацию. Разгорелся спор вокруг промышленной политики. Сегодня он ведется, в том числе под знаком технологической политики.

Сторонники промышленной политики полагают, что от рынка часто исходят ложные сигналы для структурных изменений, и поэтому государство в самом широком смысле должно воздействовать на относительные цены.

Противники промышленной политики опасаются, что она в конечном итоге приведет к консервации структуры экономики, причем в пользу определенных групп интересов.

Что имеется в виду под промышленной политикой? Безусловно, это не прямое финансирование отраслей бюджетными средствами, поскольку в этом случае ни о каком росте нормы отдачи на капитал и речи нет.

Выделение жестких приоритетов — это мы в РФ развиваем, тоже не сильно помогает. Здесь нам, вероятно, может помочь теория конкуренции американского экономиста М. Портера, который на вопрос «где же следует искать выход в решении проблемы ускорения экономического роста?» отвечал: в конкурентных преимуществах нации.

М. Портером предложена оригинальная концепция конкурентных преимуществ страны, в основе которой — идея «национального ромба». В своей известной работе «Конкуренция» он выделял следующие четыре детерминанты конкурентных преимуществ страны:

- 1) параметры факторов (совокупность материальных и нематериальных условий производства);

- 2) стратегия фирм, их структура и конкурентная борьба (действия фирм в ответ на действия фирм-конкурентов);
- 3) параметры спроса (эластичность, жизненный цикл товара/услуги, уровень доходов населения, требования к качеству товара/услуги и т. п.);
- 4) родственные и поддерживающие отрасли (наличие в стране развитых отраслей-поставщиков или других сопутствующих отраслей, конкурентоспособных на международном уровне).

Наряду с этим следует отметить, что американским институтом МакКинзи были изучены проблемы невысокой эффективности и конкурентоспособности российской экономики на примере положения десяти отраслей: черной металлургии, цементной промышленности, нефтедобычи, молочной, кондитерской промышленности, жилищного строительства, розничной торговли продуктами питания и потребительскими товарами, гостиничных услуг и производства программного обеспечения.

Главный вывод данного исследования заключается в том, что основным препятствием роста экономики России являются неравные условия конкуренции в большинстве отраслей. В этой связи особый интерес вызывает кластерный подход в экономике.

В целом различают три широких определения кластеров:

- 1) регионально ограниченные формы экономической активности внутри родственных секторов, обычно привязанные к тем или иным учреждениям индустрии знаний (НИИ, университеты и т. д.);
- 2) вертикальные производственные цепочки; довольно узко определенные секторы, в которых смежные этапы производственного процесса образуют ядро кластера (например, цепочка «поставщик — сборщик — сбытовик — клиент»). В эту же категорию попадают сети, формирующиеся вокруг головных фирм;
- 3) отрасли промышленности, определенные на высоком уровне агрегации (например, «химический кластер»), или совокупности секторов на еще более высоком уровне агрегации (например, «агропромышленный кластер») [3].

Кластеры гораздо лучше, чем отрасли, охватывают важные связи, взаимодополняемость между отраслями, распространение технологий, компетенций, информации, маркетинг и учет запросов потребителей. Кроме того, большая часть участников кластера не конкурируют между собой, так как имеют дело с разными сферами отрасли.

Для поддержания конкурентного преимущества кластер должен постоянно осуществлять инвестиции в развитие своего стратегического потенциала, т. е. вполне корректно утверждать, что политика кластеров — это, по сути, промышленная политика.

Эффект от инвестиций тем выше, чем выше достигаемое ими качество удовлетворения потребностей покупателями продукции фирм данного кластера. А чем выше качество удовлетворяемых потребностей покупателей, тем выше и доходы фирм, их прибыли, получаемые в стратегической перспективе.

Поскольку зависимость доходов от инвестиций описывается механизмом мультипликации, то кластер фирм, в котором достигается (в длительном периоде) большая величина мультипликатора доходов от инвестиций, обладает более высоким уровнем конкурентного преимущества.

Применение данного мультипликатора может быть обосновано тем, что первичным эффектом инвестиций явится увеличение дохода фирм-производителей продукции, равное инвестиционному расходу. Данный прирост дохода, в свою очередь, будучи распределен между факторами производства, ведет к дополни-

тельным потребительским расходам. Это является вторичным эффектом, который, в свою очередь, вызовет прирост дохода фирм производителей потребительских товаров, и т. д.

Применительно к кластерам можно говорить о двух альтернативных стратегиях, которые дополняют друг друга: 1) стратегии, направленные на повышение использования знаний в уже существующих кластерах, и 2) стратегии, направленные на создание новых сетей конструктивного сотрудничества внутри кластеров.

Можно выделить целый ряд систем содействия формированию кластеров:

- программы, направленные на объединение деловых людей в расчете на то, что расширение сетей приведет к расширению сотрудничества;
- инициативы по подбору партнеров (например, создание баз данных, к которым могут обращаться фирмы, ищущие партнеров по своей сфере деятельности). На европейском уровне примером является программа «Эврика»;
- финансирование шефских инициатив (как пример, программа DTI в Дании, когда крупным фирмам выделяются государственные средства, чтобы они шефствовали над группой более мелких фирм);
- финансирование отдельных кластерных проектов на конкурсной основе. В этом случае от разных проектов сотрудничества могут подаваться заявки на субсидии, причем государственные средства получают частично лишь самые лучшие проекты.

Однако в связи со всеми этими кластерными стратегиями необходимо подчеркнуть важность того, чтобы сами фирмы сознавали эти возможности в рамках своих собственных стратегий.

Государственные структуры разных уровней могут поддерживать инициативы, оказывать помощь в устранении барьеров на пути сотрудничества через консультационные услуги и программы распространения передового опыта. Но брать ответственность за те процессы, которые вытекают из этих мероприятий, и их успешное осуществление надлежит самим фирмам, крупнейшие из которых представлены в списке «Эксперт-400».

Какие выводы можно извлечь из теории М. Портера?

Во-первых, в условиях глобализации традиционный подход, а именно — деление экономики на отрасли, уступает в эффективности кластерному подходу. Дополнительный эффект при кластерном подходе возникает за счет синергетического эффекта от системы взаимосвязей групп фирм тесно связанных отраслей, взаимно способствующих росту конкуренции друг друга.

Во-вторых, кластерный подход предполагает, что приоритетная роль государства сводится к улучшению инфраструктуры и институтов функционирования фирм и стимулированию экономических субъектов к инновационной деятельности.

Вполне логично встает вопрос, а насколько применим кластерный подход для России? Идея развития кластеров, безусловно, интересна. Более того, можно назвать конкретный пример, дающий «зеленый свет» кластеризации в российской экономике: сегодня признанным приоритетом государственной политики признано развитие нанотехнологий.

Нанотехнологии — это не одна конкретная отрасль, нанотехнологиям приписывают надотраслевые функции — на практике нанотехнологии связаны с самым широким кругом отраслей, от микроэлектроники до медицины. В будущем, например, продукты нанoeлектроники будут обеспечивать высокие параметры энергосбережения. При этом для моделирования нанотехнологических процессов, веществ, устройств могут быть задействованы многоядерные и многопроцессорные системы, что в свою очередь станет стимулом к реализации проектов по созданию суперкомпьютеров.

Рынок нанотехнологий имеет огромный потенциал: если в 2007 г. объемы продаж на мировом рынке нанотехнологий составляли 50 млрд долл., то в 2008 г. — уже 150 млрд, к 2010 г. ожидается 800 млрд, к 2015 г. — свыше 2 млрд долл., т. е. за восемь лет ожидается рост в 40 раз.

Вместе с тем кластеризацию в общероссийском масштабе на данный момент сдерживает неразвитость действующих государственных и рыночных институтов, способных содействовать прозрачной коммуникации и партнерству связанных групп фирм.

Суть промышленной политики состоит в том, чтобы, во-первых, определить, какие направления (помимо сырьевых) жизненно важны для страны и, во-вторых, сосредоточить на них внимание бизнеса и государства.

Учитывая мировой опыт перехода от отраслевой промышленной политики к государственной поддержке конкурентоспособных компаний, автор предлагает основную ставку в модернизации экономики сделать на развитие интегрированных бизнес-групп (ИБГ).

Поскольку основные инвестиционные ресурсы сосредоточены в ограниченном числе экспортоориентированных ИБГ в виде холдингов и стратегических альянсов, то диверсификация активов групп в обрабатывающую промышленность — наиболее реальный механизм перелива капитала. ИБГ, аккумулируя значительные инвестиционные ресурсы и имея возможность проводить согласованную научно-техническую политику на предприятиях нескольких переделов, в большей степени принимают на себя технологические и финансовые риски инноваций. Именно в рамках крупных корпораций удалось сохранить отраслевые институты, создать новые направления прикладных исследований.

Таким образом, в среднесрочной перспективе ИБГ выступают основным механизмом модернизации обрабатывающей промышленности. Приверженцы самых разных взглядов и идеологий едины сегодня во мнении, что экономический рост в России должен осуществляться за счет активного развития отраслей с высокой добавленной стоимостью. А это, прежде всего, обрабатывающий сектор.

Насколько своевременна такая позиция? Для самих ИБГ — абсолютно. Заработав приличные деньги за время благоприятной конъюнктуры, сырьевые компании принялись искать применение своим капиталам.

Бурно начавшуюся скупку непрофильных активов они обосновывают, кто желанием подстраховаться под подверженным колебаниям сырьевой бизнес, кто необходимостью найти применение невероятно развившемуся управленческому таланту.

Сейчас группы оказались в непростой ситуации: свободных перспективных предприятий в стране не так много, да и опыта управления непрофильными активами у сырьевых компаний не хватает.

Таким образом, на практике российский сырьевой бизнес столкнулся с тем, что риски вложения в сложные монопольные компании в настоящий период достаточно велики. В данном случае можно предложить государству как институту взять риски на себя.

Такие же меры, как «адресная поддержка конкурентоспособных компаний», «выращивание национальных лидеров» неизбежно приведут к искажениям конкуренции. И, возможно, не к росту, а к снижению нашей конкурентоспособности.

Можно ли доверить проводить экономическую политику тем, кто сегодня располагает реальными финансовым и ресурсами — крупнейшим финансово-промышленным группам, возглавляемым «сырьевыми олигархами»?

Во-первых, очевидно, что интересы этих ФПГ совсем не идентичны интересам российской экономики. Во многих отношениях они ведут себя, как транснациональные корпорации, каковыми они и являются. Тем не менее это все-таки

российские корпорации, получающие свои главные доходы в России и рассматриваемые во всем мире как российские юридические лица.

Во-вторых, следует учитывать, что сырьевой комплекс России — это реальность, от которой невозможно избавиться, да и нецелесообразно. Его невозможно изолировать от остальной экономики. Его также невозможно насильно заставить инвестировать в остальную экономику.

В-третьих, следует учитывать также ограниченность бюджетных ресурсов России для проведения промышленной политики. Перед бюджетной системой стоит множество совершенно иных проблем по обороне, поддержанию правопорядка, социальной поддержке населения и оказанию обществу различных государственных услуг (включая образование и здравоохранение), причем эти задачи носят приоритетный характер по отношению к промышленной политике.

В-четвертых, широко распространенное заблуждение о том, что суть вопроса состоит в изъятии государством «природной ренты» и направлении ее на нужды развития несырьевых отраслей, не выдерживает серьезной критики. В условиях рыночной экономики возможности такого изъятия «лишних» финансовых ресурсов из сырьевого сектора очень ограничены.

Для сырьевых предприятий существует множество способов «допустимой самообороны» — усложнение структуры, трансфертное ценообразование, завышающее расходы и занижающее доходы, оффшорные компании и т. д., не говоря уже о политическом лоббировании. В связи с этим, попытки изъять из сырьевого сектора «избыточные доходы» могут быть продуктивны только до какого-то предела.

Таким образом, для промышленной политики остается возможной единственная задача — убедить финансово-промышленные группы преимущественно сырьевые и экспортные создавать вертикально интегрированные финансово-промышленные группы, инвестируя в экономику России. Эта задача абсолютно реальна. Собственно, их даже и убеждать не нужно — они сами это уже делают.

Почему же их инвестиции в несырьевой сектор пока так малы? Потому что у Правительства отсутствует прозрачная промышленная политика, обеспечивающая комфортные условия ведения бизнеса в несырьевом секторе.

Отсутствие четкой промышленной политики лишает крупный бизнес необходимых ориентиров. Наивно было бы полагать, что крупный бизнес сам способен выработать ориентиры промышленной политики — это значило бы думать «за государство», для чего у частного бизнеса нет ни желания, ни ясных стимулов. Не менее наивно полагать, что крупный бизнес будет игнорировать промышленную политику государства. Хотя ясно, что внимание к промышленной политике всегда будет мотивировано собственными интересами.

Более всего крупному сырьевому бизнесу для инвестиций в экономику России нужно доверие к экономической политике государства. И то, что этого доверия пока недостаточно — вина государства.

В том числе нужны уверенность в законодательстве (институтах), в макроэкономической стабильности, а главное — в позитивных перспективах развития внутреннего рынка России. Экспортные проекты, разумеется, также возможны, но в условиях развития протекционизма (в скрытых формах) в мировой торговле они становятся все более рискованными.

Таким образом, конкретная промышленная политика для России абсолютно необходима, но не для государственного перераспределения ресурсов из сырьевого сектора в несырьевой, а для стимулирования капиталовложений в несырьевой сектор — устранения искажений рыночной конъюнктуры, вызванных «голландской болезнью».

Главным симптомом «голландской болезни» является избыток иностранной валюты на валютном рынке страны (из-за экспорта значительной части добываемого сырья), что приводит к завышению курса национальной валюты, снижает конкурентоспособность несырьевых отраслей экономики и тормозит экономический рост в целом.

На каждом уровне существуют свои взаимоотношения с государством и свои запросы. Мелкому бизнесу, в первую очередь, нужна нормальная налоговая политика и снижение административных барьеров (отсутствие тысяч разрешений). Средний бизнес позволяет выращивать национальные компании, и это тоже очень важно. И есть крупный бизнес — всего несколько десятков компаний, существенно влияющих на экономику. Если государство определяет, что деятельность компании соответствует его интересам, оно должно всячески продвигать эти компании на международных рынках.

Одна из проблем России в том, что мы продаем товары, к которым не надо добавлять стоимость. В сложных бизнесах надо уметь продавать, продвигать, строить брэнд. Как решать эти задачи многие сырьевые компании просто не знают, поскольку это не было важно для их бизнеса.

То, что крупный бизнес сконцентрировал в своих руках самые прибыльные активы и финансовые ресурсы, вовсе не означает, что он способен развивать отрасли более высокого передела. Пока приобретение сырьевыми компаниями непрофильных активов (например, многочисленные машиностроительные проекты) давало в среднем нулевую динамику. А если уж кто и менял экономическую структуру в пользу отраслей с высокой добавленной стоимостью, то как раз не крупнейшие компании. И, может быть, логичнее поддерживать их напрямую, а не сосредотачиваться на поддержке ИБГ, с тем чтобы они потом «поддержали» следующий эшелон.

Вспомним, что мы не первые, кто столкнулся с проблемами стимулирования экономического роста. И нам есть с кем себя сравнить.

Концепция развития российской экономики за счет разрастания групп вполне соответствует лучшим образцам японской и южнокорейской промышленной политики (*первая модель реализации промышленной политики*).

Группирование — развитие дзайбацу, кейрецу и чеболей — особый конфуцианский управленческий режим, мощнейшее государственное вмешательство, изощренная система льгот и субсидий. Все эти методы легли в основу быстрой и успешной индустриализации дальневосточных государств в 1940–1970-е гг. Они привели к росту отставания этих стран от США и Западной Европы в новом, постиндустриальном укладе. Скованные традицией факторы производства, связь между чиновниками и бизнесом не сообщают экономике необходимой гибкости. Япония, демонстрировавшая удивительные 15% темпы роста в 1950–1970-х, вот уже двенадцать лет переживает спад экономики.

Вторая из рассматриваемых моделей — *французская модель* — началась с создания Комиссариата плана, служащие которого охотно перенимали опыт нашего Госплана. Политика дирижизма выразилась в создании крупных государственных монополий, а еще в начале 1980-х гг. в стране практиковалась национализация.

Несмотря на начавшуюся с конца 1980-х гг. либерализацию, роль государственного сектора во Франции остается значительной. Государство имеет собственность практически во всех отраслях национальной промышленности.

Усилением глобальной конкуренции государственные компании оказываются все менее конкурентоспособными, а экономические успехи Франции оставляют желать лучшего: в последние пятнадцать лет темпы роста ВВП Франции коле-

бались от отрицательных в начале 1990-х гг. до 3% в самом успешном 2000 г. Стоит ли нам идти по такому пути?

Наконец, третья, самая либеральная модель — *американская*. В США, по сути, нет такого понятия, как промышленная политика, но есть определенная практика решения конкретных задач. Если говорить о механизме поддержки перспективных отраслей в Америке, то в нашумевшем технологическом буме в Силиконовой долине роль государства заключалась в масштабных вложениях в военные технологии в 1970–1980-е гг. Когда же холодная война закончилась, никто не предложил поддерживать оборонный комплекс. Не предложил, потому что это означало, что люди не пошли бы в более эффективный сектор экономики, которым стали новые технологии.

При американской системе квалифицированные военные специалисты быстро сориентировались и организовали свой бизнес на основе своих знаний без всякой господдержки.

Абсурдно было бы предлагать использовать в России тот или иной опробованный вариант стимулирования экономического роста в чистом виде. Равно как и объявлять российские конгломераты абсолютным злом или добром. Но вопрос подхода к проблеме определения субъекта и объекта воздействия во многом принципиален.

Итак, нужно ли выбирать и отдельно развивать какие-то приоритетные отрасли для поддержки? Логика рассуждений может быть такой. Оцениваем разные отрасли экономики, какая из них может вырасти на 20–30%, чтобы подтянуть другие?

Сырье такого роста обеспечить не сможет, значит, это какие-то другие экспортно-ориентированные отрасли. Определяем их и смотрим, за счет чего их предприятия могут расти быстрее? Может быть, им уменьшить налоги или помочь решить проблемы с региональными властями? Надо просто создать им условия для нормального роста. Не надо давать им деньги, государство должно фокусироваться не на поддержке отдельных предприятий, а на создании эффективных институтов.

Вообще говоря, сегодня в России можно было бы заниматься практически любой отраслью — очень много перспектив. В этой связи будет полезно обратиться к проектному подходу. Методика управления проектами абсолютно приемлема в качестве инструмента реализации экономической политики, так как имеет дело с ограниченными ресурсами.

Известный закон Лермана гласит: «Любую техническую проблему можно преодолеть, имея достаточно времени и денег», а следствие Лермана уточняет: «Вам никогда не будет хватать либо времени, либо денег».

К *приоритетным проектам* в РФ можно отнести:

- внедрение энергоэффективных технологий;
- развитие нанотехнологий;
- освоение современных информационных технологий;
- развитие биотехнологий, поднимающих эффективность АПК, фармакологической и других отраслей промышленности;
- развитие новых микроэлектронных технологий, позволяющих резко поднять конкурентоспособность и эффективность отечественного машиностроения;
- обновление парка гражданской авиации;
- обновление оборудования электростанций, износ которого приближается к критическим пределам, а также модернизация атомных станций;
- развитие современных транспортных узлов, позволяющих существенно улучшить скорость и надежность комбинированных перевозок;
- развитие жилищного строительства эконом-класса с использованием современных технологий;

- развитие информационной инфраструктуры на основе современных систем спутниковой и оптоволоконной связи, сотовой связи в городах;
- модернизацию непроизводственной сферы на основе современного отечественного оборудования (диагностические приборы для медицины, вычислительная техника для системы образования и т. д.);
- оздоровление окружающей среды на основе современных экологически чистых технологий.

Что касается капитальной базы России, то ее отличительная особенность состоит в том, что капитализация фондового рынка намного превышает совокупные активы банковской системы. Это снова последствия экспортно-сырьевой модели хозяйства, поскольку инвесторам легче и эффективнее вложиться не в реальный сектор, а заработать на спекулятивных инвестициях в сырьевые отрасли (80% инвестиций в российской экономике).

В результате мы имеем рост капитализации российских компаний через «фондовые пузыри», а также снижение мотивации инвесторов к долгосрочному инвестированию в отечественный промышленный бизнес, что, безусловно, является серьезной проблемой для экономического развития РФ.

Для сравнения индекс РТС в России снизился за последний год в 3,5 раза, или на 72%, в то время как аналогичные индексы в США — только на 35, в Китае — на 49, в Индии — на 40, Бразилии на 50%.

Таким образом, импортные причины падения капитализации можно оценить примерно в 35%, но остальные 37% — это российские причины. В структуре рыночной капитализации России присутствие сырьевых компаний составляет 75%. Причем во всех этих компаниях занято только 1,5% рабочей силы нашей страны. Безусловно, такая ситуация ведет к дальнейшему расслоению в обществе и слабому мультипликационному эффекту в национальной экономике.

Для капитализации богатства страны нужны такие базовые экономические институты, как защита прав собственности, защита прав кредиторов и защита конкуренции.

Защита прав собственности (в особенности защита инвесторов) определяет финансовое развитие экономики, в том числе размер финансового рынка, структуру собственности, количество первичных публичных размещений акций (IPO), политику выплаты дивидендов и т. п. Ключевой элемент защиты прав собственности — эффективность исполнения законов, определяемая качеством работы судебной системы.

Аналогичную роль играет и защита прав кредиторов — если у кредиторов нет возможности быстро и без потерь получить собственность должника в случае банкротства, то страдают от этого больше всего добросовестные заемщики — им приходится платить большие ставки процента по кредитам.

Законодательство о банкротстве — это всегда баланс интересов кредиторов и заемщиков. Сейчас многие предприятия, банки столкнулись с тем, что процедуры, которые заложены в существующем законе о банкротстве, не работают в условиях кризиса.

Несовершенство действующего закона связано с не очень гибкой процедурой финансового оздоровления. Озабоченность многих кредиторов связана с тем, что в преддверии банкротства компании начинают выводить активы через реструктуризацию бизнеса.

Чтобы иметь хорошие институты, необходимо наличие в экономике агентов, которым они нужны. Более того, эти агенты должны располагать политическими силами и возможностями, чтобы создать и развивать институты.

Нет оснований, полагать, что свободная конкуренция и защищенные права собственности появляются сами собой. Их поддержание должно стать основной задачей — даже не государства, а общества, следящего за государством.

В своей книге «Спасая капитализм от капиталистов» Р. Раджан и Л. Зингалес отмечают, что опасность для конкурентных рынков особенно велика в период кризисов, когда индустриальные магнаты требуют ограничить конкуренцию, чтобы спасти остатки прибылей, а самые бедные хотят того же самого, потому что в период кризиса им особенно хочется стабильности. Цена этого — рост трансакционных издержек в обществе.

В современном мире экономический успех компаний все больше зависит от их способности успешно внедрять инновации. Инновации необходимы бизнесу для увеличения темпов роста и повышения его конкурентоспособности. Инновации могут воплощаться в технологиях, продуктах, бизнес-процессах, бизнес-стратегиях (моделях), во всем, что может создавать конкурентные преимущества желательного высокого порядка (те, которые сложно скопировать). Инновации предлагают новое решение, имеющее для конечного потребителя ценность и платежеспособный спрос.

Какие институты могли бы поддерживать и развивать инновационную активность в России? Априори Внешэкономбанк «задумывался» как институт развития и должен в целом осуществлять поддержку крупных инвестиционных и инновационных проектов. Но сейчас Банк в основном выполняет функции агента Правительства по решению кризисных проблем. Все это происходит в ущерб исполнению функции института развития, и поддержка инновационных проектов практически не реализуется. Кроме того, в самой антикризисной программе не наблюдается мер инновационной направленности, мер, связанных со стимулированием технологичного экспорта, мер по привлечению иностранных инвесторов, по развитию технопарков и т. п. Вместе с тем, на базе Внешэкономбанка могли бы создаваться государственные финансовые структуры, содействующие отечественным предприятиям в инновациях с мультипликационным эффектом путем предоставления государственных гарантий.

Поскольку в инновационной экономике главные экономические субъекты — это многочисленные частные средние и малые компании несырьевого сектора, то стимулирование инноваций следует активизировать именно в малом и среднем предпринимательстве.

Пока экономических стимулов у малых и средних предприятий России для активного внедрения инноваций мало. Что можно было бы предложить в этой связи? По мнению автора, следует внедрять в практику следующие направления:

- развитие института предоставления грантов (субсидирования из государственного бюджета) средним и малым предприятиям, реализующим инновационные проекты с мультипликационным эффектом;
- снижение налоговой нагрузки до 30–35%;
- развитие института государственных закупок для создания дополнительного спроса на инновационную продукцию и технологии;
- формирование инновационной инфраструктуры в виде технопарков, технополисов, бизнес-инкубаторов, инновационно-технологических и межрегионально-маркетинговых центров;
- расширение доступа отечественных предприятий к источникам долгосрочных инвестиций;
- развитие института государственно-частного партнерства (речь идет о софинансировании государством проектов бизнеса по созданию новых технологий и продуктов);

- развитие института проектных агентств, помогающего продвигать масштабные проекты — «точки роста». Суть деятельности проектных агентств состоит в поиске потенциальных участников (перспективного в масштабах национальной экономики) проекта, проектном согласовании их действий и поиске источников финансовых ресурсов при реализации масштабного инфраструктурного проекта.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., среди целевых ориентиров названо «инновационное лидерство России в мире на основе передовых научно-исследовательских разработок, высоких технологий и образовательных услуг».

Россия должна занять значимое место на рынках высокотехнологичных товаров (не менее 10%) и интеллектуальных услуг по 4–6 и более крупным позициям. Будут сформированы условия для массового появления новых компаний во всех секторах экономики и в первую очередь в секторах «экономики знаний».

Первые шаги по формированию институциональной среды уже делаются. И пример тому принятый в июле 2009 г. Закон РФ о малых предприятиях при вузах, предусматривающий надделение бюджетных научных и образовательных учреждений правом самостоятельно создавать хозяйственные общества, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые принадлежат данным научным и образовательным учреждениям. Теперь дело за инновационной активностью российских вузов.

В завершении данной работы можно отметить, что в условиях экспортно-сырьевой модели экономики собственники, осуществляющие реальный контроль, тяготеют не к принятию стратегических решений, а к сиюминутным выгодам почти спекулятивного характера. В результате — нет производственных инвестиций, а значит, нет полноценной инновационной системы, нет мультипликационного эффекта в национальной экономике и ее устойчивого социально-экономического развития.

В кризисный период роль инноваций и инновационной активности приобретает особое значение, задавая импульс в движении экономики на новый качественный уровень. Для поддержки инновационной активности в России нужно поддерживать приоритетные направления технологического развития на основе кластерного подхода, развивать инновационную деятельность действующих предприятий, улучшать институциональные условия, создавать стимулы к инновационной деятельности в системе образования и государственном секторе.

Как сказал Президент РФ Д. Медведев на Петербургском международном экономическом форуме 2009 г., в концепции долгосрочного развития России к четырем «и» (институты, инфраструктура, инновации, инвестиции) сегодня добавляется пятый элемент — интеллект. Хочется верить, что российская экономика станет умной и обеспечит рост благосостояния и качества жизни российского общества.

Литература

1. *Россия выйдет из кризиса к 2012 году* // <http://www.dni.ru/economy/2009/9/1/174000.html>. [Данные от 01.09.2009 г.].
2. *Глазьев С. Ю.* О стратегии развития российской экономики: Научный доклад. М.: ЦЭМИ РАН, 2001.
3. *Млоток Е.* Маркетинговые исследования внешних и внутренних факторов конкурентоспособности фирмы // <http://www.marketing.spb.ru/read/m3/5.htm?printversion>. [Данные на 04.05.2008 г.].

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 332.122

В. А. Поникаров, Е. В. Горбачевская

Кластеризация региональной экономики России

V. A. Ponikarov, E. V. Gorbachevskaya. Regional economy clusterization in Russia

Стимулирование возникновения экономических кластеров относится к числу приоритетов государственной политики регионального развития, их появление выступает условием обретения Россией долгосрочной конкурентоспособности. По мнению авторов статьи, администрации регионов должны способствовать созданию кластеров вокруг основных «локомотивов» регионального бизнеса. В этом случае крупные компании будут выполнять роль ядра кластера, а малый и средний бизнес, который развивается вокруг них ускоренными темпами, станет важным плательщиком в бюджет и основным источником развития территории. Ключевой задачей разработки стратегии развития экономического кластера является прогнозирование развития кластера в целом на основе прогнозирования номенклатуры, рыночных характеристик и объемов выпуска товарной продукции и услуг. Авторы считают, что к применению кластеров готовы и национальная экономика, и государство. В России есть все необходимые предпосылки для эффективной кластеризации экономики.

Ключевые слова: экономические кластеры, региональная экономика, конкурентоспособность, малые и средние предприятия

Контактные данные: 107996, Москва, ул. Стромынка, д. 20

Incentives for formation of economic clusters are among priorities in the national policy for regional development, and their appearance provides a condition for Russia to acquire competitive ability in the long run. In the authors' judgment, regional administrations must encourage formation of clusters around main „locomotives” of regional business. In this case, large companies will act as a core of cluster, while small and medium business, which is to develop around them at a rapid pace, will become the major budget payer and main source of territorial development. The key problem in elaboration of a strategy for economic cluster development is how to forecast development of the entire cluster on the basis of forecasting of the range, market characteristics and output of marketable products and services. The authors believe that the national economy and state have been prepared to use clusters. Russia has all necessary prerequisites for efficient clusterization of economy.

Keywords: economic clusters, regional economy, competitive ability, small and medium enterprises

Contact information: 107996, Moscow, ul. Strominka, 20

Владимир Александрович Поникаров — профессор Московского государственного университета приборостроения и информатики, кандидат технических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Елена Валерьевна Горбачевская — аспирант Московского государственного университета приборостроения и информатики.

© В. А. Поникаров, Е. В. Горбачевская, 2011

Кластеризация российской экономики на уровне регионов является объективной необходимостью для укрепления конкурентоспособности национальной экономики, поскольку экономические кластеры представляют собой оптимальное сочетание рыночных возможностей саморегулирования экономики с возможностями государственного воздействия.

Вызываемый таким взаимодействием синергетический эффект способен вызвать новые и укрепить традиционные «точки роста» региональной экономики, что, в конечном итоге, усилит конкурентоспособность национальной экономики как на внутреннем, так и на внешнем рынках [1].

Региональная экономика как мезоуровень экономики является средним звеном между макро- (государство в целом) и микроуровнем (муниципальные образования в рамках субъекта Федерации) и обладает характерными особенностями.

Будучи подсистемой народного хозяйства, региональная экономика не может рассматриваться как изолированная ее часть. Соответственно неправомерно возводить в абсолют экономическую самостоятельность регионов, она имеет вполне определенные границы.

Одним из направлений социально-экономического развития регионов Российской Федерации должно стать создание условий модернизация промышленности и поддержка и развитие конкурентоспособных на глобальном рынке территориальных производственных кластеров [2].

В современных условиях фактором, способным существенно влиять на формирование национальной конкурентоспособности, является инновационное развитие экономики. Однако в российских условиях экономический рост сопровождается огромными неразрешенными проблемами осуществления предпринимательской деятельности.

Современный экономический успех России достигнут, в первую очередь, за счет высоких мировых цен на энергоносители, и, как следствие, российское благосостояние в значительной степени зависит от природных ресурсов, а не от подлинной конкурентоспособности экономики, основанной на развитии наукоемкого производства [3].

Вместе с тем Россия имеет преимущества по отдельным факторам, особенно в области науки и техники, кадровых ресурсов, что в свою очередь является потенциалом формирования кластеров. Однако материально-техническая база российской экономики морально и физически изношена и не соответствует потребностям растущей экономики. Слаборазвитая инфраструктура также снижает эффективность внутренней конкуренции и межрегиональной специализации в российской экономике.

В условиях становления инновационно ориентированной экономики России присвоены низкие рейтинги по большинству индикаторов инноваций, в первую очередь это касается кадровых и финансовых ресурсов в области науки и технологии.

Безусловным является тот факт, что научные исследования и разработки напрямую зависят от уровня их финансирования.

Развитые страны давно выработали эффективный механизм взаимодействия государства, бизнес-сектора, инвесторов и учреждений, непосредственно осуществляющих научные исследования самых различных форм и направлений.

Возникновение кластеров и повышение инновационной активности являются закономерными процессами. Тенденцией к образованию кластеров чаще всего является совместная научная или производственная база; более того успешное развитие кластера может быть гарантировано лишь при условии, что научная база позволяет построить кластер не по специализированному, а по дифференцированному типу [2].

В настоящий момент, если оценивать структуру российского экспорта, производственных конкурентоспособных в глобальном масштабе кластеров у нас практически нет. При этом их появление выступает условием обретения Россией долгосрочной конкурентоспособности, а следовательно, стимулирование возникновения экономических кластеров должно относиться к числу приоритетов государственной политики регионального развития.

Территориальные производственные кластеры, на наш взгляд, должны стать формой интеграции и поддержки малого и среднего бизнеса. традиционные макроэкономические и отраслевые подходы к развитию малого и среднего бизнеса необходимо дополнить региональным, выражающимся в формировании территориальных производственных кластеров.

Ключевой задачей разработки стратегии развития экономического кластера является прогнозирование развития кластера в целом на основе прогнозирования номенклатуры, рыночных характеристик и объемов выпуска товарной продукции и услуг.

Результаты прогнозирования дают основу и граничные условия для прогнозирования параметров потоков и, соответственно, параметров развития элементов экономического кластера.

Исходные данные для прогнозирования динамики основных параметров потоков и характеристик кластера должны формулировать научные подразделения промышленных предприятий, фирм (фирменные научные подразделения). Кроме того, по ряду ключевых для государства отраслей прогнозирование товарной продукции и услуг должно выполнять соответствующее федеральное министерство, государство.

Для современной России актуальность концепции кластеров несомненна, поскольку:

- значительная часть созданного в СССР промышленного потенциала изначально не была ориентирована на рынок;
- сложившаяся в настоящее время экспортно-сырьевая ориентация национальной экономики не отвечает коренным интересам России;
- стремительно разрушается технологический потенциал страны;
- низкая эффективность российской промышленности;
- технологическое отставание от развитых стран не позволяет создавать конкурентоспособную наукоемкую продукцию и пр. [4].

Важнейшим фактором конкурентоспособности кластеров является высокий уровень развития системы связанных институтов и отраслей, а для формирования национальной инновационной системы и притока квалифицированных кадров основным фактором является государственная политика.

Кластерные принципы организации производственного взаимодействия широко обсуждаются в России и используются при формировании и осуществлении национальной промышленной политики, так как их использование позволяет повысить эффективность взаимодействия частного сектора, государства, торговых ассоциаций, исследовательских и образовательных учреждений в инновационном процессе [5].

Российская экономическая политика может обеспечить большую отдачу, если в ней предусмотреть перенос акцента с экспорта сырья на развитие промышленных образований кластерного типа.

Кластерный механизм повышения конкурентоспособности основан на эффективном сочетании конкуренции и кооперации. Диалектическое единство отношений конкуренции и сотрудничества участников кластера расширяет традиционные рамки экономической эффективности.

После «проверки» внутренней конкуренцией кластерообразующие компании оказываются способными достигать успеха и на международных рынках [3].

Присутствие внутренних конкурентов автоматически исключает виды преимуществ, заключающиеся в расположении производства в конкретном регионе, а именно: факторные издержки, полный или частичный привилегированный доступ к местному рынку или административным ресурсам, т. е. то, что характерно для монополизированного российского рынка.

Внутренняя конкуренция вынуждает хозяйствующих субъектов с большей ответственностью искать и извлекать выгоды из более конструктивных форм правительственной поддержки (например, таких как помощь в освоении внешнего рынка, инвестиции в определенные образовательные структуры или другие специальные факторы).

В настоящее время российский рынок субконтрактных отношений характеризуется как недостаточно развитый, закрытый, непрозрачный, не имеющий четко регламентированных «правил игры» и эффективной инфраструктуры.

Субконтракция — это эффективный способ организации промышленного производства, использующий разделение труда между головным предприятием — контрактором и широкой сетью гибко специализированных поставщиков — субконтракторов. В то же время субконтрактные отношения между малыми и крупными предприятиями постепенно развиваются и имеют значительные перспективы. Эффективность перехода предприятий на аутсорсинг напрямую связана с уровнем развития рынка субконтрактов и его регулированием.

В Российской Федерации проводимая реструктуризация большинства крупных промышленных предприятий должна включать выделение нестратегических (непрофильных) производств и задействовать для их компенсации механизмы субконтрактации.

Наиболее успешные организации смогут в дальнейшем развить свое производство и стать полноценными головными контракторами, способными конкурировать не только на внутреннем, но и на внешнем рынке.

В результате предлагаемой реструктуризации крупных предприятий постепенно будут формироваться географически локализованные агломерации взаимодополняющих предприятий, работающих в одном направлении с головным контрактором, т. е. промышленные кластеры. Поскольку в процессе развития кластер, как правило, расширяется до пределов эффективной управляемости, то кластерный механизм способствует устойчивому развитию не только головного предприятия кластера, но и смежных видов экономической деятельности, экономики региона в целом.

Формирование структур кластерного типа должно осуществляться при содействии государства посредством реализации государственной политики реструктуризации крупных структур или объединения государственного имущества путем его внесения в уставные капиталы вновь создаваемых или существующих организаций.

В развитии кластеров России можно выделить следующие особенности: во-первых, подобные формы территориально-экономической интеграции немногочисленны. Во-вторых, кластерные структуры еще очень «хрупки» и вряд ли их можно сравнивать с эффективно действующими зарубежными кластерами, представляющим собой хорошо отлаженную систему объединения конкурентоспособных организаций.

Как правило, российские кластеры находятся в эмбриональном состоянии, неоправданно размыты по территории (имеют региональные или даже нацио-

нальные границы и слабо развитую инфраструктуру); практически отсутствуют инновационные кластеры.

Особенностью российской модели кластеризации, вытекающей из планово-социалистического прошлого, можно считать преобладание централизованного типа кластерного ядра и тяготение к холдинговым формам.

Тем не менее, несмотря на доказанную международной практикой эффективность, развитие кластерных систем в промышленности России происходит крайне медленно.

В настоящее время в Российской Федерации в целом и отдельных ее регионах в рамках политики восстановления и развития промышленного потенциала ведутся работы по формированию кластеров промышленных предприятий.

Особенностью современной российской модели кластеризации, вытекающей из планово-социалистического прошлого, является преобладание централизованного типа кластерного ядра и тяготение к холдинговым структурам.

Кластерная форма территориально-экономического объединения промышленных предприятий с финансовыми и страховыми компаниями, научно-исследовательскими институтами и образовательными учреждениями в российских условиях пока немногочисленна. Существующие кластеры отличаются низким уровнем развития и недостаточной конкурентоспособностью, в первую очередь на международном рынке.

Для России наиболее приемлемо формирование промышленных кластеров в пределах административно-территориальных единиц (республик, краев, областей), что обусловлено большей результативностью процесса управления видами экономической деятельности на региональном уровне по сравнению с общенациональным.

Выбор стратегии развития кластеров в качестве концепции государственной региональной промышленной политики позволит усилить преимущества кластерных форм организации промышленных предприятий, как «точек роста», и обеспечит выход на мировой рынок конкурентоспособных компаний, что особенно актуально в условиях продолжающейся глобализации и усиления международной конкуренции.

У России уже есть положительный опыт деятельности кластеров, например, кластерная организация группы высокотехнологических отраслей производства в г. Сосновый бор (Ленинградская обл.).

Научно-производственный комплекс города представлен 29 предприятиями и организациями: Ленинградской атомной электростанцией им. В. И. Ленина; 8 государственными научными организациями, в числе которых Научно-исследовательский технологический институт им. А. П. Александрова (НИТИ), Федеральный научно-производственный центр Научно-исследовательский институт комплексных испытаний оптико-электронных приборов и систем (ФНИЦ НИИКИ ОЭП); 16 малыми предприятиями научно-технической сферы, Ленинградским специализированным комбинатом «Радон» и другими организациями [5].

Рассмотрение группы компаний и организаций как кластера позволяет выявить благоприятные возможности для координации действий и взаимного улучшения в областях общих интересов без угрозы конкуренции или ограничения интенсивности соперничества.

Превалирование в экономике кластеров, а не изолированных компаний и отраслей важно и для региональной экономики, где наблюдается высокая географическая концентрация взаимосвязанных отраслей.

Ключевым фактором успеха при разработке и реализации стратегий развития кластеров является активная позиция лидеров бизнеса и позитивное партнерство между интересами различных предпринимательских групп в регионе.

Существует ряд условий, которые могут способствовать или препятствовать развитию кластеров в России. Специалисты относят к позитивным условиям существование технологической и научных инфраструктур, а также психологическую готовность к кооперации.

К сдерживающим факторам развития кластеров относят: низкое качество бизнес-климата, низкий уровень развития ассоциативных структур (торговых палат, промышленных ассоциаций), которые не справляются с задачей выработки и продвижения приоритетов и интересов регионального бизнеса; краткосрочный горизонт планирования (реальные выгоды от развития кластера появляются только через 5–7 лет) [4].

Особенностью внедрения кластеров в России является необходимость наличия формальной институциональной структуры, координирующей развитие кластера, созданной с участием входящих в кластер компаний. Примером такой структуры является торговый дом «ТверьЛен» в Тверской области.

Кластеры требуют от своих участников доверия по отношению друг к другу и более длительного горизонта планирования, хотя и с тем и с другим в большинстве случаев существуют проблемы.

Определенной адаптацией кластерного подхода является создание кластеров при содействии вертикально интегрированных бизнес-групп. Иными словами, развитие кластеров и вертикальных групп может дополнять друг друга.

В последнее время получило активное распространение мнение о том, что именно вертикально интегрированные бизнес-группы являются наиболее естественной и перспективной формой организации и развития бизнеса в России.

Кластер предполагает горизонтальную структуру, но кластерный подход не вступает в конфликт с задачами развития вертикальных корпораций. Наличие развитой инфраструктуры сервиса, консультационных услуг, поставщиков комплектующих (в структуре кластера) снизит издержки и повысит конкурентоспособность любой крупной корпорации.

Яркий пример — кластер, который сформировался вокруг группы из нескольких финских целлюлозно-бумажных комбинатов (ЦБК), расположенных в радиусе 80 км друг от друга.

Наличие развитой системы сопутствующего бизнеса (сервис, консультации и т. д.) позволяет существенно снизить затраты на создание новых ЦБК в рамках кластера, повысить конкурентоспособность уже существующих.

Администрации регионов должны грамотно использовать этот интерес и способствовать созданию кластеров вокруг основных «локомотивов» регионального бизнеса. В этом случае крупные компании выполняют роль ядра кластера, а малый и средний бизнес, который развивается вокруг них ускоренными темпами, становится важным плательщиком в бюджет и основным источником развития территории.

Целевой подход к развитию малого и среднего бизнеса вокруг определенной сферы существенно повышает его шансы на выживание.

Регионы конкурируют внутри России и в международном пространстве между собой за инвестиции и за размещение наиболее перспективных бизнес-проектов на своей территории. В этой ситуации создание благоприятного бизнес-климата, а также сетей поставщиков и потребителей может стать решающим фактором для выбора территории.

Использование кластерного подхода может существенно обогатить международное экономическое сотрудничество.

Правительство решило оценить перспективы роли и места России в мировом экономическом пространстве. Независимое исследование заказали светилу мировой экономики, профессору Гарвардской бизнес-школы Майклу Портеру.

М. Портер определил основные проблемы России: отсутствие конкуренции, недостаточную развитость инфраструктуры, вмешательство государства в частный сектор в экономике и слабую судебную систему.

Другим большим и трудно преодолеваемым препятствием развития экономики является огромная и устаревшая нормативная среда, огромное число положений, которые являются барьерами, прежде всего, не для крупных компаний, а для средних и малых. А сердцем экономики как раз должен быть малый и средний бизнес [6].

Так дело обстоит в развитых странах, но не в России, где основную роль в экономике играют несколько гигантов, таких как «Газпром». По мнению профессора Портера, эта модель уже не работает, а «теория национальных лидеров в мире умерла». «Никто не считает, что вам нужна одна гигантская компания, для повышения конкурентоспособности вам необходимо больше чем одна компания. Нужна конкуренция внутри страны. Наличие только одной крупной компании — это не модель. Россия развивает сырьевой сектор, но это не соответствует условиям повышения производительности» — утверждает М. Портер, который уже проводил подобные исследования во многих странах, включая Индию, Китай и Бразилию.

«То, как Российская Федерация развивает сырьевой сектор, не способствует увеличению производительности — хотя это, может, отвечает политическим интересам или обеспечивает национальную безопасность», — заявил он.

Профессор Портер также полагает, что в России много областей, которые могут сложиться в эффективные кластеры. Свою задачу он видит в том, чтобы определить, «в какую нишу мировой экономики Россия может сейчас вписаться особенно производительно и эффективно». Реализовать эти проекты позволит очевидное конкурентное преимущество нашей страны — высокий уровень образования и квалификации.

Россия не должна производить дешевые товары и конкурировать в этой сфере с Китаем и Индией, а зарабатываемые в сырьевом секторе средства М. Портер призывает использовать на диверсификацию экономики и развитие кластеров.

В 2005 г. планировалось появление промышленных кластеров — объединений малых, средних и крупных предприятий, производящих взаимодополняющую продукцию на определенной территории.

С инициативой создания таких зон выступила общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России».

В том же году глава правительства Михаил Фрадков одобрил проект создания промышленных кластеров и направил соответствующее поручение профильным ведомствам [7]. Проект был рассчитан на вовлечение в сферу промышленного производства предприятий малого и среднего бизнеса.

В свой бизнес их должны были пустить на конкурсной основе крупные компании, имеющие опыт работы в той или иной отрасли. На практике это должно было выглядеть так: по результатам тендера малое предприятие получит заказ от крупного и будет обязано исполнить его в определенные сроки. При этом исполнитель может взять кредит, получить в лизинг оборудование, ему будет предоставлено помещение. Также разработчики проекта обещали максимально освободить начинающих коммерсантов от проверок чиновников.

Президент организации «ОПОРА России» Сергей Борисов считает, что такая форма сотрудничества не будет являться холдингом в рамках одного хозяйствующего субъекта, это — содружество различных хозяйствующих субъектов.

Предприятия малого и среднего бизнеса будут занимать там главенствующую роль, потому что создадут конкурентный слой. Конкурируя, предприниматели

будут применять инновации и уменьшать свои издержки, в результате продукция будет лучшей и по качеству, и по цене.

В России кластерный подход пока имеет недостаточное распространение. Начатые в некоторых регионах России (Москва, Иркутская область, Пермская область и некоторые другие) кластерные проекты в большинстве своем находятся в начальной стадии реализации. Учитывая сложившуюся в Российской Федерации модель управления, именно региональные органы власти и органы местного самоуправления должны стать основными инициаторами кластерных проектов [8].

Формирование кластеров национальной инновационной экономики в России является одним из актуальных направлений интенсификации экономического и инновационного развития. О значимости этой темы говорит хотя бы то, что Правительством России при выборе направлений развития страны в качестве единственного независимого эксперта был привлечен гарвардский профессор Майкл Портер, родоначальник современной теории конкуренции, одним из главных положений которой является необходимость кластеризации экономики [9].

В то же время существует острая необходимость в самоорганизации российской экономической системы, в том числе ее регионализации.

Кластеры являются наиболее теоретически проработанным и прошедшим экспериментальную проверку способом самоорганизации. В этом смысле кластеризация как процесс имеет не только прикладное, но и фундаментальное значение.

Кластеры в качестве структур самоорганизации могут появляться либо спонтанно, либо в результате индукции. В первом случае это нормальный процесс экономического развития с соответствующими критериями повышения экономической целесообразности и, в частности, конкурентоспособности. Роль государства в этом случае сводится к различным способам содействия. Второй есть системный случай организационной инновации, он может по большей части осуществляться при прямом участии и по инициативе государства.

Россия только выбирает свой путь, и, скорее всего, на ближайшие 10–15 лет основным сценарием ее развития станет ресурсно-инновационный. Его сутью вполне может являться обеспечение национальной ресурсной безопасности и выполнение международных обязательств нашей страны, связанных с той же энергетической безопасностью, но уже на евразийском пространстве. Здесь производственная функция кластеров может быть реализована через освоение низкодебитных скважин средними предприятиями, развитие производства биотоплива, рыночную диверсификацию услуг в энергетическом сегменте экономики. Инновационная составляющая в стратегическом плане связана со средними предприятиями и возможностями оборонных предприятий, а также с использованием в режиме двойного применения имущества Министерства обороны для интенсификации развития экономики.

Кластерная идеология способна стать мощным инструментом перехода от неэффективного отраслевого подхода к более совершенным формам самоорганизации экономики. Например, уже объявленная среднесрочная стратегия развития оборонной промышленности — выпуск продукции военного и гражданского назначения «пятьдесят на пятьдесят» — определенно будет сопровождаться развитием поясов малого и среднего бизнеса вокруг крупных производств, чему есть немало примеров.

Таким образом, есть все основания полагать, что кластерный подход найдет применение в России. К применению кластеров готовы и национальная экономика, и государство. В целом можно сказать, что в России есть все необходимые, хотя

и недостаточные предпосылки и прецеденты для эффективной кластеризации экономики.

Для того чтобы предпосылки превратились в масштабный процесс, необходимо как минимум сформировать федеральную экономическую политику в отношении территорий с включением в нее кластеров как элементов самоорганизации экономики. Тогда, по крайней мере, административная реформа приобретет предметное содержание.

Как максимум важно принять на федеральном и региональном уровнях доктрину инновационного императива регионального развития, подкрепив ее адекватной нормативно-правовой базой, закрепляющей основные принципы кластеризации экономики за счет административных и материальных ресурсов государства.

В настоящее время эти предложения не выглядят нереалистичными, поскольку кластеры не только стали реальностью, но и находят свое отражение в документах, определяющих технологическое развитие страны.

Примером может служить Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г., утвержденная Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике в феврале 2006 г. В этом документе в качестве одного из важнейших направлений экономического развития страны определено следующее: «Стимулирование в экономике спроса на инновации и результаты научных исследований, создание условий и предпосылок к формированию устойчивых научно-производственных кооперационных связей, инновационных сетей и кластеров».

Государственная поддержка развития кластеризации в Российской Федерации должна быть рассмотрена с позиций законотворчества в области:

- инновационной и промышленной политики государства;
- конкуренции;
- поддержки малого и среднего предпринимательства;
- собственно кластерной политики, кластерных инициатив и иных элементов кластерного подхода [10].

Исследование системы законодательного регулирования кластеризации в РФ позволяет сделать вывод о ее фрагментарном, рамочном, декларативном характере и недостаточности для полноценной реализации преимуществ малого промышленного бизнеса.

Систематизированная характеристика законодательного состояния процесса кластеризации в РФ приведена в табл. 1.

В Российской Федерации в последнее время происходит осознание значимости кластеризации экономики и принимаются конкретные шаги по практическому внедрению кластерной политики.

Кластерные организационные технологии могут и должны применяться для решения практических задач развития инновационного потенциала страны, развития малого и среднего предпринимательства. Однако для реализации этого проекта необходимо создать благоприятные внешние условия, в том числе на уровне законодательного регулирования кластерной политики государства.

Для успешной реализации кластерного подхода в промышленной политике на уровне субъектов Российской Федерации необходимо отказаться от традиционной системы отраслевых приоритетов, поскольку поддержка кластеров и создание соответствующих условий для их развития может дать большие результаты по сравнению с защитой интересов отдельных отраслевых рынков или групп производителей.

Указанный подход позволит, с одной стороны, сохранить активную роль государства в регулировании темпов и качества промышленного развития, а с дру-

Таблица 1

**Характеристика государственных механизмов реализации кластерного подхода
в Российской Федерации**

Элемент кластеризации	Законодательные акты
Конкуренция	ФЗ-135 «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г.
Инновационная и промышленная политика	Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г., Стратегия развития науки и инноваций в РФ до 2015 г., Основы политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 г., ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы» и др.
Поддержка малого и среднего предпринимательства	ФЗ-209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» от 24 июля 2007 г.
Программы регионального развития	Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации
Кластерное законодательство	Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации; Федеральная адресная инвестиционная программа и федеральные целевые программы, федеральная адресная инвестиционная программа, ведомственные целевые программы, особые экономические зоны, Инвестиционный фонд РФ, венчурные фонды, концессионные соглашения, Банк развития РФ, технопарки

гой — обеспечить необходимый уровень внутренней конкуренции как залога повышения конкурентоспособности российской промышленности на мировом рынке, что позволит России в дальнейшем занять достойное место в мировой экономической системе [3].

Литература

1. Бородина Е. А. Формирование экономических кластеров как направление реализации промышленного потенциала // Макроэкономические проблемы современного общества: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, декабрь 2007). Пенза, 2007.
2. Арсентьев А. С. Кластеры в региональной экономике // Экономика региона. 2007. № 18.
3. Жданова О. И. Кластер как современная форма управления промышленными предприятиями // Вестник Института экономики РАН. 2008. № 4.
4. Ялов Д. А. Кластерный подход как технология управления региональным экономическим развитием // Портал информационной поддержки малого и среднего производственного бизнеса. http://www.subcontract.ru/Docum/DocumShow_DocumID_17.html.
5. Прохорова Н. Г. Кластеры в национальной экономике // Экономика региона. 2007. № 18.
6. Новое слово в российской экономике. Государство делает ставки на кластеры [04.10.2006] // <http://www.prime-tass.ru/news/articles/-201/%7BA759867E-F6B1-442F-920A-8F28AA-516D9B%7D.uif>.
7. Алешкина Т. В России появятся кластеры // Бизнес. 2005. № 89 (108). 19 мая.
8. Хамирзова С. К. Использование кластерного подхода в управлении региональной экономикой // <http://region.mcnip.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=138>.
9. Гусев Ю. О принципах кластеризации экономики в России // Экономические стратегии. 2007. № 3.
10. Насибов О. Л. Элементы кластерной политики для малого промышленного бизнеса // Современные аспекты экономики. 2009. № 4.

Ю. А. Михайлова

Влияние мирового экономического кризиса на развитие Сингапура как международного финансового центра

Yu. A. Mikhaylova. Influence of world depression on development of Singapore as an international financial center

В статье показаны особенности становления Сингапура как глобального города, рассмотрены механизмы выхода Сингапура из мирового экономического кризиса, рассмотрен уровень вовлеченности в деятельность различных международных объединений. Автором описаны преимущества Сингапура как мирового финансового центра, приведены характеристики состояния экономики Сингапура в до- и посткризисный периоды на основе анализа данных официальных источников.

Ключевые слова: мировой финансовый центр, глобальный город, инфраструктура, экономический потенциал, фондовая биржа, мировой финансовый кризис, механизмы выхода из кризиса, международные организации

Контактные данные: 194100, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 68, лит. Н

The paper deals with specifics in development of Singapore as a global city, ways out of world depression, and involvement in activity of international organizations. The author has described advantages of Singapore as a world financial center, characteristics for the state of economy in Singapore in pre- and post-crisis periods, as based on the review of data from official sources.

Keywords: world financial center, global city, infrastructure, economic potential, stock exchange, world depression, ways out of world depression, international organizations

Contact information: 194100, Saint-Petersburg, B. Sampsonievskiy pr., 68, lit. N

Сингапур — высокоразвитый глобальный город с рыночной экономикой и низким налогообложением, в котором важную роль играют транснациональные корпорации.

В рейтинге конкурентоспособности, приводимом в 2007 г. Всемирным экономическим форумом (ВЭФ), экономика Сингапура занимала 7-е место среди 131 страны мира. Причинами такого высокого места являются выгодное территориально-географическое положение страны, а также особенности торгового законодательства, которые имеют множество плюсов для развития международного бизнеса.

Принципы налогообложения в Сингапуре аналогичны положениям законодательства Гонконга — налогом облагаются только доходы, полученные от источников на территории Сингапура, но не за его пределами [1].

Сингапурский налог на прибыль корпораций взимается только с источников доходов, расположенных в Сингапуре, а также с доходов, перечисленных в Сингапур, по ставке налогообложения 20% [Там же].

Доходы с капитала (или прирост капитала) в Сингапуре налогом не облагаются. В стране упрощенная процедура регистрации новых компаний, отсутствуют какие-либо требования к размеру минимального или максимального объявленного уставного капитала.

Юлия Александровна Михайлова — менеджер аутсорсингового центра «АйКьюЛайн».
© Ю. А. Михайлова, 2011

В Сингапуре отсутствуют таможенные пошлины. Либеральный экспортно-импортный режим позволяет рассматривать это государство фактически как единую экспортно-производственную зону [Там же].

Сингапур — одна из немногих стран мира, где в сфере услуг определены конкретные, очень жесткие стандарты. Они касаются абсолютно всего: стиля обслуживания, инвентаря и инструментов, квалификации персонала, обустройства помещений и т. п.

Сингапур обладает превосходной финансовой инфраструктурой, политической стабильностью. Он полностью отвечает всем обязательным требованиям, которые предъявляют западные компании правительству выбранной ими страны в качестве гарантии их интересов, сохранения и приумножения выделяемых ими инвестиций для дальнейшего развития и приобретения капитала и развития правовой системой мирового уровня.

Не случайно в Сингапуре находятся отделения более 3500 ведущих компаний мира, а более 120 транснациональных корпораций имеют здесь свои представительства [2].

Контролируя деятельность предприятий, государство развивает свою политику по трем направлениям:

- специальные правительственные комиссии выявляют нужды предпринимателей с целью предоставления им в дальнейшем своей помощи;
- представители различных контролирующих органов постоянно следят за соблюдением на предприятиях необходимых для конкретной отрасли норм и правил;
- борьба с коррупцией. Подкуп должностного лица любого ранга исключен в этой стране практически на 100%. Сингапурским чиновникам категорически запрещено даже посещать рестораны вместе с предпринимателями, принимать от них какие-либо подарки [3].

Сингапур имеет собственную развитую промышленность, сферу услуг, занимает важное место в международном разделении труда. Он особенно выделяется как центр электротехнической и электронной промышленности. В Сингапуре производится электротехнической и электронной продукции больше, чем во всех остальных развивающихся странах ЮВА (без Малайзии).

Сингапур — самый крупный центр судостроения и судоремонта на всем пути от берегов Японии до портов Западной Европы, здесь проходит 366 регулярных морских линий, связывающих более 600 портов мира [4].

С конца 1960-х гг. Сингапур стал центром деятельности многочисленных иностранных компаний, ведущих поиски нефти на континентальном шельфе ЮВА и морях Индонезийского архипелага.

В стране производится в несколько раз больше нефтепродуктов, чем в крупнейшей нефтедобывающей стране региона — Индонезии.

Стремительные темпы развития науко- и интеллектоемких отраслей в Сингапуре постепенно превращают этот город-государство в современный технополис, в котором будут сочетаться наука, технология, традиционная национальная культура и создаваться новая общность творческих и всесторонне развитых людей.

Укрепление двусторонних взаимосвязей со многими странами мира сделало Сингапур по индексам 2003 г. второй самой глобализованной страной мира (после Ирландии).

Индекс глобализации агентства А. Т. Kearney и журнала «Foreign Policy» ежегодно рассчитывает данный индекс для 62 стран мира по четырем критериям: экономическая, социальная, технологическая и политическая интеграция [5].

Экономический потенциал Сингапура во много раз превосходит его относительно небольшие размеры. Внешнеполитические интересы страны являются приоритетными и напрямую связаны с концепцией «глобального города».

Сингапуру с его специфическим экономическим положением города-государства необходимо прочно войти в систему мирохозяйственных связей и утвердиться на мировом рынке, добившись благоприятного отношения к себе со стороны многих государств. В этой островной республике за счет импорта удовлетворяются все потребности в сырье и топливе и большая часть потребностей в продовольствии.

Посредством внешней торговли на мировом рынке реализуется более половины продукции ее народного хозяйства. Интересам внешней торговли и морского судоходства подчинена вся экономика страны.

В одном из недавних интервью CNBC премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун рассказывал о роли страны в глобальной экономике: «Мы являемся частью мировой экономики. Мы делаем чипы, мы производим лекарства, производим нефтехимическую продукцию. Мы потребляем около одного процента из производимой нами продукции. Возможно, меньше... Мы производим для всего мира. Мы покупаем у мира, для мира... Так мы и процветаем» [6].

Одной из издержек экономической глобализации эксперты называют взаимозависимость национальных экономик друг от друга.

Глобальные города — важное звено в мировых экономических цепях. Их процветание — результат крайне открытой экономики. Проблема состоит в том, что этот фактор отказывает положительное влияние только при отсутствии серьезных проблем в мировой экономике.

Несмотря на средние темпы экономического роста с 2004 по 2007 гг. ежегодно почти в 8%, Сингапур стал первой страной Восточной Азии, впавшей в рецессию во время нынешнего глобального экономического кризиса, что свидетельствует о большой уязвимости экономики Сингапура для глобальных экономических потрясений.

Следует отметить, что Сингапур сравнительно легко миновал азиатский финансовый кризис 1998 г., так как его валюта к тому времени не была еще сильно зависима от американского доллара.

В настоящее время курс сингапурского доллара зависит от американского, хоть и не так сильно, как, например, в Гонконге. Часть населения Сингапура хранит свои сбережения в иностранных банках или акциях американских фирм. Разорение только одной компании «Леман Бразерс» принесло потери более чем в 338 млн долл. для граждан города-государства [7].

Начавшись в сентябре 2008 г., основной пик кризиса пришелся в Сингапуре на период с IV квартала 2008 г. по II квартал 2009 г. [10].

Глобальный кризис в большей степени сказывается на экономике Сингапура через каналы экспорта и притока инвестиций.

Руководитель рабочего движения правящей партии Сингапура Лим Сви Сай сравнил сегодняшний кризис с длинным темным туннелем, в котором надолго могут застрять некоторые страны из-за того, что они «спорят, ссорятся, протестуют и препираются». Сингапур же, который кризис тоже не обошел стороной, остается «собранным, спокойным и созидательным», предпринимая активные меры для преодоления сложного периода [7].

Как видно из приведенных выше тенденций функционирования глобальных городов в кризисный период, осуществление ответных мер взяло на себя и правительство Сингапура. Комплекс мер, направленных на преодоление кризиса, включал в себя внутреннюю перестройку работы экономических институтов, уси-

ление внешнеполитического взаимодействия с целью сохранения перед мировым экономическим и политическим сообществом репутации города как процветающего финансового центра.

Для преодоления кризиса правительство города разработало комплекс мер, предусматривающих согласованные действия всех граждан государства, как непосредственно чиновников и бизнесменов, так и рядовых граждан.

Отсутствие у государства крупных внешних долгов на протяжении десятилетий позволило сохранить около 174 млрд долл. США в валютных резервах. Осенью 2008 г. с помощью этих резервов был создан стабилизационный фонд, составляющий 20,5 млрд долл. США [8].

Данный фонд будет финансировать ряд направлений. Рассмотрим среди них наиболее приоритетные.

1. Борьба с безработицей. На сохранение рабочих мест выделено 5,1 млрд долл. США, создана специальная программа «Jobs Credit Scheme», которая направляет государственные дотации компаниям на выплату заработной платы местным работникам. Премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун посоветовал «поднажать на обучение», которое поможет сменить род деятельности сокращенным специалистам. С целью облегчения переподготовки кадров была создана специальная программа «Skills Programme for Upgrading and Resilience», которая выплачивает часть заработной платы работникам, проходящим переобучение [9]. Правительство заявило также об отмене платы за переобучение и повышение их навыков для работников технической сферы [10].

С целью обеспечения рабочими местами граждан Сингапура правительство вынуждено было прибегнуть и к более жестоким мерам. Многие рабочие-мигранты из Малайзии, Бангладеша и других государств были уволены и высланы обратно домой.

2. Поощрение банковских займов. В октябре 2010 г. правительство Сингапура объявило о гарантии на вклады физических лиц и небанковских клиентов банков, имеющих лицензию в Сингапуре. Чтобы обеспечить равные условия для банков Сингапура, вскоре последовали аналогичные заявления со стороны некоторых правительств региона ЮВА. Эта гарантия будет оставаться в силе до 31 декабря 2010 г. [11].

Для стимулирования работы местных банков позже была создана правительственная программа, согласно которой 5,8 млрд долл. США будет направлено на поддержку банковских займов. Благодаря новой программе правительство обязуется компенсировать вероятные потери банков в объеме 80% при займах до 5 млн долл. США, а при займах на развитие торгового бизнеса — до 75% [12].

3. Налоговые льготы. Для обеспечения движения денежных средств в стране предприняты следующие меры:

- в 2009 г. была предоставлена скидка в 40% с налога на промышленную и коммерческую недвижимость;
- в течение одного года действует скидка в 30% с дорожного налога для грузовых транспортных средств, автобусов и такси;
- начиная с 2010 г. ставка налога на прибыль корпораций была снижена с 20 до 17% [13].

4. Поддержка семей. Правительство Сингапура выделило в 2009 г. 2,6 млрд долл. США в помощь гражданам для противостояния экономическому спаду. Часть этих средств пошло на компенсацию 20% подоходного налога для жителей Сингапура и 40% налога на собственность для владельцев, которые сами проживают в облагаемой налогом недвижимости, а не сдают ее внаем. С целью обеспечения доступного жилья в период резкого роста цен на недвижимость

был создан специальный жилищный фонд, включающий доступные квартиры площадью не более 50 м² [14].

5. Усовершенствование инфраструктуры. Подобно многим странам, Сингапур увеличивает расходы на развитие инфраструктуры, что приведет не только к созданию новых рабочих мест, но и улучшению имиджа страны в целом. Сумма в 4,4 млрд долл. США пойдет на развитие сети дорог и канализационных систем, а также на развитие инфраструктуры в сфере образования и здравоохранения.

Внутри страны правительство будет расходовать значительные средства на крупные инвестиционные проекты. Строительство двух комплексных курортов представляет значительную поддержку строительному сектору. Такие действия будут способствовать подъему рынка недвижимости и улучшению настроений инвесторов. Уже сейчас совокупный объем инвестиций в эти проекты составляет около 10,5 млрд долл. США [15].

Борьба с кризисом не осталась только властей и бизнес-слоев города. Власти Сингапура призвали население воздержаться от лишних расходов во время кризиса, предложили покупать дешевое замороженное мясо, не использовать дорогие мобильники, меньше мыться в душе. Такие призывы прозвучали в выступлениях политиков и в телерекламе. Вместо стимулов потребления здесь формируют финансовую дисциплину граждан, поскольку внутренний рынок страны не может компенсировать выпадающие из-за кризиса экспортные доходы, от которых зависит экономика страны. Видя активные антикризисные меры правительства, население выразило готовность принять новые условия [16].

Согласно заявлению министерства торговли и промышленности города-государства, сингапурская экономика вышла из рецессии во II квартале 2009 г., показав темпы экономического роста свыше 20%. В этой связи американское агентство «Ассошиэйтед Пресс» сообщило: «Сингапурская экономика снова в строю — и еще как!». ВВП островного государства вырос в III квартале 2009 г. по отношению ко II на 14,9%. Спрос на экспорт из страны, как ожидается, покажет постепенное восстановление, которое, в свою очередь, будет способствовать укреплению производственного сектора. Стратегическое положение Сингапура в АСЕАН и АТЭС также скажется на управлении текущей ситуацией [17].

Положительный пример Сингапура по выходу из кризиса изучается другими малыми странами Азии. Деятельность страны в рамках международных организаций может усилить эффективность распространения новой концепции выхода из кризиса.

Аналогичную сингапурской линию выхода из кризиса проводят почти все страны — члены АСЕАН, прежде всего Малайзия, Индонезия, Бруней и Вьетнам. Эксперты отмечают, что успешный экономический опыт Сингапура и его нынешняя промышленно-экспортная политика в условиях мирового финансового кризиса вполне могут быть применимы во многих слаборазвитых странах сравнительно небольшой территории [18].

Самым крупным проектом Сингапура в области привлечения международного внимания к кризисной ситуации в регионе остается его роль как организатора саммита АТЭС–2009, в котором приняли участие президенты и премьер-министры 21 страны и территории, участвующих в форуме АТЭС.

Сохранение стимулирования экономики, сдерживание торговых барьеров, упрощение условий ведения бизнеса, таможенных формальностей отражены в итоговых документах форума — декларации и совместном заявлении стран АТЭС.

Лидеры АТЭС поручили министрам экономики и финансов разработать долгосрочную программу в сфере структурных реформ, развития малого и среднего бизнеса, создания рабочих мест и развития систем социальной защиты.

Обеспечить устойчивый рост в АТЭС поможет рационализация объемов и, в среднесрочной перспективе, отказ от практики выделения субсидий для ископаемых видов топлива. Такое субсидирование, как отмечено в декларации лидеров, поощряет расточительное потребление. Однако при отказе от прежней политики в этой области страны АТЭС признали «важность предоставления жизненно необходимых энергетических услуг всем нуждающимся» [19].

Сингапур как страна-организатор саммита сделал все возможное для обеспечения должного уровня проведения переговоров и удобства делегаций стран — участниц АТЭС. Встречи в Сингапуре проходили в неформальной атмосфере и сопровождались красочными шоу, напоминая, как заметили наблюдатели, конкурсы красоты. Тем самым к проблемам АТЭС было привлечено больше внимания, чем если бы это были только сухие и скучные дискуссии об экономических проблемах региона [19].

Подготовкой форума занимались более 1500 человек, много внимания уделялось культурным традициям страны. Для обеспечения безопасности власти задействовали около 8000 сотрудников спецслужб и правоохранительных органов [20]. Стране, которая только оправилась от тяжелого экономического кризиса, пришлось нелегко, но возможность привлечения к региональной ситуации внимания мировой общественности и еще более важная возможность привлечения большого числа иностранных инвестиций оправдали старания сингапурских властей. Престиж Сингапура в мире значительно возрос после окончания саммита.

Примером менее масштабных проектов международной деятельности Сингапура может послужить Российско-сингапурский деловой форум 2009 года, прошедший в с 27 по 29 сентября в Сингапуре. Данное мероприятие имеет статус ежегодного и проходит уже четвертый раз.

В 2009 г. ключевой темой обсуждения трехдневной программы РСДФ–2009 стала тема «Новая глобальная финансовая архитектура», которая привлекла внимание около 600 ведущих российских предпринимателей и представителей бизнеса и политики из Сингапура.

Как и все города Азии, Сингапур значительно пострадал во время мирового кризиса, однако особенности развития его экономики, отсутствие внешних долгов и жесткая политическая организация помогли городу не впасть в хаос в самом начале экономических потрясений, а напротив, быстро локализовать нестабильность и поэтапно избавляться от проблем.

Согласно рейтингу глобальных городов за 2009 г., Сингапур в период кризиса не только не сдал своих позиций в качестве предоставления возможностей для ведения финансовой деятельности, но и усилил их, поднявшись с седьмой позиции на пятую [20]. Такой успех может помочь Сингапуру не только привлечь большее количество инвестиций и продолжать успешную деятельность по предоставлению финансовых услуг зарубежным странам, но и придаст больший вес его голосу в международных организациях.

Экономический кризис дает идеальную возможность для ускорения интеграции стран АСЕАН и АТЭС. Внутрорегиональная торговля в рамках данных организаций будет являться ключевым фактором роста экспорта на рынках США и Европейского Союза.

Единый рынок повысит конкурентоспособность регионов, будет способствовать привлечению прямых иностранных инвестиций и расширению торговых потоков в регионе и во всем мире [21].

В силу своего особого положения города-государства Сингапур может более активно использовать перечисленные ранее механизмы воздействия на экономическую ситуацию в регионе, особенно в качестве полноправного члена различных международных организаций.

Литература

1. Юридическая фирма Jus Privatum // http://www.jusprivatum.ru/ps61_13.htm.
2. Сингапур. Участие страны в процессах международной экономической интеграции // <http://catalog.fmb.ru/singapore12.shtml>.
3. Масляева М. Бизнес в Сингапуре: малый бизнес по-сингапурски // http://www.open-business.ru/html_euro/singapur_open2.htm.
4. Сингапур. Место страны в международном разделении труда // <http://catalog.fmb.ru/singapore12.shtml>.
5. Сингапур. Участие страны в процессах международной экономической интеграции // <http://catalog.fmb.ru/singapore12.shtml>.
6. <http://www.reuters.com/article/idUSTRE4A61O320081107>.
7. Economic survey of Singapore third quarter 2009. Ministry of Trade and Industry Republic of Singapore.
8. <http://meridian103.ru/issue-3/business/singapore-in-a-global-recession/>.
9. Ravichandren. Crisis of global capitalism hits Singapore hard.
10. Impact of Global Economic Crisis on Singapore / Embassy of Israel.
11. <http://www.eastasiaforum.org/2009/01/05/riding-the-global-economic-crisis-in-singapore/>.
12. Siow Yue Chia. Singapore weathers the crisis and prepares for a stronger year // <http://www.eastasiaforum.org/2010/01/12/singapore-weathers-the-crisis-and-prepares-for-a-stronger-year>.
13. <http://www.press-release.com.ua/content/view/10397/>.
14. <http://lenta.ru/news/2009/01/22/tap>.
15. <http://www.press-release.com.ua/content/view/10397/>.
16. <http://prian.ru/news/18133.html>.
17. <http://www.press-release.com.ua/content/view/10397/>.
18. Shandre Thangavelu. Riding the global economic crisis in Singapore.
19. <http://www.rg.ru/2009/11/24/ekonomika.html>.
20. <http://www.rian.ru/world/20091115/193722852.html>.
21. Global Power City Index 2009.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 342.7

Е. Г. Драпеко, П. П. Глущенко

Конституционные права и свободы граждан в механизме культурно-правовых отношений

*E. G. Drapenko, P. P. Glushchenko. Constitutional rights and freedoms of citizens
in the mechanism of cultural-legal relations*

Статья посвящена показу видов конституционных прав и свобод граждан в механизме реализации и защиты субъектов культурно-правовых отношений, их содержания, особенностей. Представлено определение прав и свобод личности в сфере культуры, культурно-правовых отношений. Раскрыты концепции формирования, приобретения прав, свобод и законных интересов граждан в сфере пользования культурными ценностями. Акцентировано внимание на поведенческой деятельности субъектов культурно-правовых отношений и ее взаимосвязи с реализацией и защитой их прав и свобод.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, граждане – субъекты культурно-правовых отношений, объекты культурно-правовых отношений, полномочия органов и должностных лиц, уполномоченных обеспечивать реализацию и защиту субъектов культурно-правовых отношений, правонарушения в сфере культурно-правовых отношений, ответственность, правосубъектность

Контактные данные: 103009, Москва, ул. Охотный ряд, д. 1

The paper deals with constitutional rights and freedoms of citizens in the mechanism of implementation and protection of subjects of cultural-legal relations, their content, and specifics. A definition has been provided for personal rights and freedoms in culture, cultural-legal relations. Consideration has been given to the concept of how civic rights, freedoms and legitimate interests are generated and acquired in the use of cultural values. An emphasis has been placed on the behavioral activity of subjects of cultural-legal relations and its connection to enforcement and protection of their rights and freedoms.

Keywords: constitutional rights and freedoms, citizens – subjects of cultural-legal relations, objects of cultural-legal relations, powers of bodies and officials authorized to enforce and protect subjects of cultural-legal relations, offenses in cultural-legal relations, responsibility, legal personality

Contact information: 103009, Moscow, ul. Okhotnyy riad, 1

Елена Григорьевна Драпеко — заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по культуре, почетный профессор Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Петр Петрович Глущенко — декан юридического факультета Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

© Е. Г. Драпеко, П. П. Глущенко, 2011

Национальное и международное законодательство не определяет понятие прав и свобод личности в сфере культуры. Национальные и международные правовые акты оставляют определение этого понятия в ведение ученых. Основное внимание законодателя уделяется актуализации проблемы прав и свобод вообще и в сфере культуры в частности.

Проблема прав человека в сфере культуры заложена в «повестку дня» XXI в. как одна из центральных, от ее решения в значительной мере зависит решение иных общечеловеческих проблем. В этой области созданы определенные международно-правовые и государственно-правовые предпосылки.

Человек становится главной социальной ценностью общества: забота о нем, защита его прав и свобод выходит на первый план в социальной политике государства. В демократическом государстве права человека признаются неотчуждаемыми и принадлежащими ему от рождения. Государство, не вдаваясь в теорию вопроса о правах и свободах, стремится зафиксировать их законодательно и обеспечить их защиту.

Юридическая наука по-разному трактует сущность и содержание прав и свобод. Позитивистская методология основывается на признании естественной (природной) сущности прав человека, на их врожденной данности и сверхъестественной природе, т. е. имеют божественное происхождение. По мнению профессора Л. Хенкина, директора Колумбийского университета (США), «права человека берут свое начало в „естественных правах“, вытекающих из „естественного права“, и подчеркивают обязанности, установленные Богом» [1, р. XIII]. В то же время они являются продуктом современной истории, политическими требованиями индивида, налагающими ограничения и обязательства на общество и правительство [Ibid., р. 8]. Л. Хенкин наряду с естественной стороной сущности прав человека подчеркивает и их *социальную* сущность, тем самымвольно или невольно связывая эту категорию с системой общественных отношений. Подобной позиции придерживаются и некоторые современные российские ученые. Однако естественная теория прав человека внутренне противоречива. Признавая естественно-природную сторону сущности прав человека, она отдает приоритет сверхъестественной (божественной) стороне этой сущности и лишь допускает ее социально-политический элемент. Вместе с тем именно социально-политическая сторона сущности прав человека является определяющей и решающей.

Авторы придерживаются естественно-исторической концепции прав и свобод человека, полагая их продуктом и диалектическим единством естественно-эволюционного и исторического развития человека, человечества, общества и государства.

Права и свободы по своей сути имеют много общих черт: у них единый носитель (человек, личность, социальная общность), единые идеальные и материальные формы проявления содержания, социальная и юридическая база (человечество, общество, общественные отношения, объективные факторы их происхождения и функционирования). И права, и свободы представляют собой различные социально-правовые формы выражения пределов жизнедеятельности, поведения. Применительно к человеку, личности они суть пределы социально-полезного и необходимого поведения.

Права и свободы ничего не имеют общего с такими социальными моделями поведения (деятельности), как вседозволенность поведения и деятельности, их антисоциальные формы проявления, в том числе правонарушения, преступления, индивидуализм и эгоизм. В их основе лежат такие явления и категории, как необходимость, целесообразность, осознанность и целенаправленность поведения

и деятельности. Они являются не чем иным, как формой проявления законов и закономерностей общественного развития.

Решающий элемент сущности прав и свобод — их *субъекты*, т. е. человек (как высший биологический вид, обладающий сознанием, разумом и способностью к созидательному творческому труду) [2, с. 330]; личность как плод и носитель общественных отношений [3, с. 3], социальная общность как система общественных отношений между большими группами людей, занимающих определенное положение в социальной иерархии. Как *субъект* прав и свобод — человек, личность и гражданин в их функционально-правовом смысле являются источником прав и свобод, их главным носителем, творцом, приобретателем и пользователем. Как таковые они являются стержневым признаком прав и свобод, в этой своей роли охватывают, синтезируют и интегрируют всей объективные и субъективные признаки прав и свобод, составляющих целостную систему разнородных элементов (признаков). Они суть *системное* понятие.

Существенным признаком понятия прав и свобод является поведение, деятельность, их формы и способы. Поведение — волевое, социально осмысленное проявление активности человека, личности, выражающее смену внешних форм состояния и способов удовлетворения потребностей и интересов. Его внутренняя сторона — смена потребностей, интересов, мотивов состояния. Внешней стороной поведения является смена состояний во времени и пространстве, в объективном мире. Его основу составляет телодвижение. Оно всегда связано с внешними актами проявления смены состояний. Включает любую смену таких актов состояния. Содержит в себе элементы как социального осознанного, так и неосознанного, т. е. моменты инстинктивного (наследственного) порядка. Элементы осмысленного, волевого состояния являются главными и решающими в поведении человека. Но в случаях, когда потребности и интересы человека ограничиваются лишь его естественными потребностями и личность по своему уровню социально не организована, то поведение может быть по социальной направленности любым — общественно полезным и антисоциальным.

Деятельность — целенаправленная социальная активность. Это поведение со строго определенной целью и в конкретно выраженных формах и способах смены актов состояния. Она предполагает общественно полезную направленность социальной активности личности (гражданина). Деятельность гражданина предполагает соизмерение личных, общественных, государственных интересов.

Правоотношения определяют любую деятельность в условиях конкретно-исторических типов и форм общества (общественно-экономических формаций) с исторически определенными формами социальных противоречий, с государственно-правовыми формами социального регулирования, управления. Соответственно они же определяют *сущность прав и свобод в ее социально отраженном виде*. Речь, таким образом, идет не о просто общественных отношениях, а об отношениях, урегулированных нормами права, где субъектами являются все субъекты права, правосубъектностью — реализация ими своих прав и обязанностей, а объектом — материальные и духовные блага и ценности. Правоотношения — сущность прав и свобод высшего порядка (сущность сущности).

Исторически определенные формы и способы деятельности, удовлетворения потребностей и интересов личности, как и сами ее права и свободы, а также все идеальные и материальные элементы их содержания, гарантии, весь механизм их защиты определяются объективными факторами общественного развития, в том числе и в первую очередь:

- историческим типом способа производства, уровнем развития производительных сил, характером и историческими формами производственных отношений;

- историческими типами экономического базиса и политической надстройки, особенно социальной сущностью государства, направленностью его политики, правовой системы;
- разделением общественного труда;
- характером и достигнутым уровнем развития культуры общества в составе правовой идеологии и правовой культуры.

Права и свободы едины в *политико-правовом* аспекте. Они не существуют и неотделимы от социальной структуры общества, его политической системы, от государства, его политики, права и правовой системы. Именно государство и право выступают в качестве исторического контрагента, оформителя, функционера, создателя механизма и решающего гаранта реализации прав и свобод.

Особенностью конституционных прав и свобод человека и гражданина является их нормативно-правовой источник. Конституция — основной закон государства — обладает высшей юридической силой, оформляет правоотношения и является не только универсальным юридическим источником права, законом прямого действия, но и политико-правовым документом [4, с. 27]. В ней в концентрированном виде отражаются все высшие социальные ценности общества и государства, его политика и идеология, закрепляются основы политической и правовой системы, основополагающие права и свободы человека и гражданина.

Права и свободы являются существенным элементом культуры и правовой культуры *данного общества*. Их социальный характер, объем, механизм реализации и гарантии — своеобразные компоненты и эталоны культуры данного общества. Не существуя вне истории, они есть результат естественно-исторического развития общества. Смена исторического типа способа производства, типа и формы государства неизбежно означает и смену социальной сущности и всех количественных и качественных показателей прав и свобод человека и гражданина.

Между правами и свободами есть коренное различие. У них разная сущность. Права — это установленные законом пределы дозволенного социально полезного и необходимого поведения, отражающие правовые формы и способы удовлетворения потребностей и интересов человека (гражданина). Свободы — установленные законом пределы внутреннего волеизъявления личности, выражающие правовые формы и способы ее жизнедеятельности [5, с. 7, 43, 62–67; 6, с. 25–31]. Права и свободы диалектически взаимосвязаны и взаимообусловлены; они дополняют друг друга. Основу прав и свобод составляют конституционные права и свободы.

Существенная составляющая прав и свобод в сфере культуры — это *специфическая область правоотношений*, т. е. культура. Культура — это исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [7, с. 381].

Сущность культуры составляет исторически определенный уровень общественного развития, выраженный в высших эталонах и моделях общественного сознания и человеческой деятельности. Ее неотъемлемой составной частью и относительно самостоятельной формой является правовая культура [8, с. 5]. Будучи органической частью общей культуры общества [9, с. 7], правовая культура знаменует собой один из высших этапов в развитии человечества, является самостоятельным социальным явлением, вбирает в себя веками накопленный опыт общения между людьми и лучшие модели их взаимоотношений, поведения и деятельности [10].

Правовая культура не ограничивается функциональной ролью права [11] и не сводится к функциям права, она включает в себя разнородные и в то же время взаимодействующие структурные элементы:

- идеальные — правовые знания, представления, понятия, теории (концепции), их различные уровни и формы;
- нормативные — нормы права, его система и виды;
- объективные — правоотношения, правоприменительная практика (деятельность), ее виды, способы и механизм;
- правосознание, все его составляющие — правовые знания, взгляды, идеи убеждения и т. п.;
- функциональные — место и социальная роль права и правосознания, их функции в общественном развитии.

Компонентами правовой культуры выступают все ценности, созданные человечеством в области права, укрепления законности и правоохранительной деятельности. Правовая культура общества охватывает правовые знания, навыки, умения данного общества на данном уровне его развития. Как разновидность общей культуры ее правовая форма характеризуется определенным уровнем правосознания, законности, качества законодательства и юридической практики.

Правовую культуру общества можно определить как систему юридических показателей правосознания, законности и правовой практики данного общества, обеспечивающих его оптимальное функционирование и поступательное (прогрессивное) развитие. Правовая культура личности в свою очередь есть производное от правовой культуры общества. Правовая культура общества и личности соотносятся как общее и единичное, где первая является общим, а вторая — единичным. Общее включает наиболее существенные моменты единичного, является его бесконечной диалектической суммой [12, с. 136].

Имея в виду, что права и свободы человека и гражданина в сфере культуры диалектически взаимосвязаны, а различие между ними состоит в духовных и материальных аспектах их сущности, то этим правовым категориям можно дать единое определение. *Итак, права и свободы человека и гражданина в сфере культуры — это предусмотренные Конституцией и законодательством РФ пределы волеизъявления и дозволенной социально полезной и необходимой деятельности, которые предполагают как эталонный для данного общества уровень интересов и духовных потребностей личности, так и эталонные формы и способы их удовлетворения.*

Исторически определенные пределы волеизъявления и деятельности; ее высшие духовные и материальные формы и способы; специфическая духовная и материальная сфера правоотношений; человек, личность как основные носители и субъекты этих отношений; материальные и духовные блага и ценности, диалектическое единство социально-политической и нормативно-правовой сторон сущности; высший для данного общества уровень потребностей и интересов как функционально-целевая установка деятельности — таковы существенные составляющие признаки понятия прав и свобод в сфере культуры.

Свобода личности, как и сама личность, — сложное многоаспектное и комплексное общественное явление и понятие. В самом общем смысле она представляет собой внутреннее состояние человека, его раскованность, независимость, суверенность, способность распоряжаться своей судьбой, самостоятельно определять свои поступки, действовать по своему усмотрению на основании собственного решения, собственного выбора своей линии поведения среди реальных возможностей.

Свобода соотносится с правами, как цель и средство, где целью является свобода, а средством — права. Поскольку свобода — самое высшее достояние и проявление воли и силы духа человека, она должна обеспечиваться и защищаться как первостепенная, высшая задача государства и общества. Однако вряд ли следует проводить слишком резкий водораздел между правами и свободами.

По мнению М. В. Баглая, гражданское общество не зависит от государства и стоит над ним. Оно складывается, прежде всего, через права собственного человека на базе общественной морали и самоорганизации, когда фактор государственного вмешательства, естественно, все более сужается и ослабевает [13, с. 3–4]. По логике М. В. Баглая, когда мы говорим: «Человек — цель, а не средство», то имеем в виду заботу общества и государства об охране прав и свобод каждого человека. В иерархии целей общества интересы человека должны быть поставлены на первое место.

Это суждение фактически означает абсолютизацию прав и свобод человека и их противопоставление как в философском, так и политико-правовом смысле. Политико-правовой смысл прав и свобод не противоречит их философскому пониманию. Свобода — осознанная необходимость [14]. Права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции, в нормах права, являются не чем иным, как политико-правовыми формами проявления необходимости определенных форм общественных отношений, высокой гражданской активности и социальной ответственности и личности, и общества. Активность и ответственность членов общества, их воля, способность своими действиями добиваться реализации прав и свобод, контролировать государство и власть и есть та объективно-субъективная основа социального явления, образования и понятия, которое в социологии, политологии и праве именуется гражданским обществом.

Общество и государство неотделимы друг от друга. Права и свободы возможны и реальны лишь в исторически определенном обществе, которому присущи социальные антагонизмы. Общество, обеспечивая свободу личности, не может допустить анархии, беззаконие ущемления прав и законных интересов других граждан [13, с. 3–5]. Общество, государство и личность (человек) — однопорядковые и соотносящиеся понятия. Их сущностью являются исторически определенные общественные отношения, формы и способы реализации социальных связей. Это относится и к правам, и к свободам человека и гражданина.

Свобода общества и человека проявляется в различных сферах: в социально-экономической, политической, юридической.

Духовная свобода выражается в свободном развитии науки, искусства, культуры, т.е. в духовном обогащении общества. *Нравственная свобода* — утверждение и развитие моральных ценностей общества. В обществе устанавливается определенная мера свободы человека, необходимая для его самовыражения и в тоже время препятствующая всяким попыткам личности использовать свободу в ущерб обществу, государству, согражданам.

Следует согласиться с мнением В. П. Пархитко, который полагает, что личность является ориентиром для внутреннего законодательства в направлении демократизации жизни, общества [15, с. 96–97]. Однако не следует превращать этот ориентир в абсолют XXI века [Там же]. Для каждой исторической эпохи этот ориентир свой, сугубо исторически-конкретный с точки зрения сущности общества, государства и личности.

Академик Н. Н. Моисеев отмечает, что сама проблема прав человека, даже вне контекста развития цивилизаций, изменения критериев внутри цивилизаций, представляется трансцендентно трудной. Проблема прав человека не имеет однозначного решения и столь же многообразна, как и само представление о цивилизации. И самая главная тенденция развития состоит в том, что, несмотря на все катаклизмы, человечество идет вверх по ступеням Разума. Человек сегодня все более точно может предвидеть возможные последствия своих действий, предсказывать возможные изменения природных условий — это основы его жизнедеятельности, его влияние на судьбы других людей.

В целом в указанном методологическом ключе права и свободы закреплены нормами Конституции и иными нормативно-правовыми актами. Конституцией Российской Федерации, Республики Саха (Якутия) установлено равенство всех перед законом, право на защиту прав и свобод от каких бы то ни было посягательств, прав граждан обращаться в государственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, открытое разбирательство дел в суде. Указания Конституции на связь прав и свобод человека с государством (право обращаться в суд, право подавать жалобы на незаконные действия органов власти) свидетельствуют о конкретно-историческом подходе Конституции к правам и свободам.

Конституция провозгласила человека, его права и свободы высшей социальной ценностью [16, ст. 2]. Однако утверждение, что права и свободы человека должны определять смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваться правосудием [Там же, ст. 2–3, 18, 118], излишне подчеркивает и тем самым в некоторой мере отдает приоритет либерально-демократическим взглядам на права и свободы человека.

Противоречивый, т. е. отступающий от конкретно-исторического метода познания социальных явлений подход характерен и в определении Конституции РФ прав и свобод человека в сфере культуры. Конституция гарантирует свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавательской деятельности. Интеллектуальная собственность охраняется законом. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Ст. 44 Конституции РФ относит к числу важнейших прав граждан России право на свободу во всех сферах творческой деятельности. Это означает, что государство принимает на себя обязанность обеспечить своим гражданам эффективные средства юридической защиты этих прав и свобод. В отношении обязанностей в Конституции РФ в той же статье говорится, что каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

В Республике Саха (Якутия) основные права и свободы человека и гражданина закреплены в Конституции РФ и Конституции РС (Я). Наравне с другими правами Конституции РФ и РС (Я) закрепляют права человека в сфере культуры.

Нормы Конституции РФ и РС (Я) следуют методологии международного права о правовом регулировании прав и свобод человека. Эта методология исходит из единства прав и обязанностей, придерживаясь естественно-исторического подхода к правам человека, связывая их сущность, содержание и формы реализации со всеми социальными процессами, а также их противоречиями. О данном подходе свидетельствует и то, что международные нормативно-правовые акцентируют внимание на признаке учета *национальных особенностей* в правовом регулировании прав и свобод человека вообще и в сфере культуры в частности. Декларация о праве на развитие от 4 декабря 1986 г. декларирует право человека «на полный суверенитет над всеми своими природными богатствами и ресурсами» [17]. Ст. 1 Декларации о принципах культурного международного сотрудничества говорит о развитии «собственной культуры», причем эта функция признается не только правом, но и «долгом каждого народа» [18]. В Декларации о расе и расовых предрассудках провозглашается право «всех групп людей на культурную самобытность и развитие своей собственной культурной жизни в национальных и международных рамках» [19].

Одно из важнейших прав человека — право на свободу мысли и слова — гарантирует ст. 29 Конституции РФ. Это право перешло в нашу Конституцию из

Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических свободах. *Свобода мысли означает право и свободу каждого индивида самостоятельно выбирать для себя систему духовных ценностей независимо от любого идеологического контроля. Свобода слова — возможность публично (устно, письменно, с использованием средств массовой информации) выразить свои мысли.* Сотрудники культурно-досуговых учреждений и, в первую очередь, руководители должны руководствоваться этими нормами в своей деятельности.

Наряду с правами человека следует говорить и о его обязанностях по отношению к другим людям, к Природе, к памятникам культуры. Количество этих обязанностей будет все время возрастать по мере роста могущества цивилизации. Надеемся, что постепенно человечество станет больше говорить об обязанностях людей, об их ответственности, чем о правах, которые просто сделаются элементами культуры человека. Разнообразие цивилизаций — это тоже следствие процесса самоорганизации, который лежит в основе любых природных явлений, а развитие общества является одним из них. И не следует бороться с существующим различием и непохожестью цивилизаций, культур, ибо это разнообразие есть проявление общего закона дивергенции, великое благо для человечества. Национальное своеобразие культур и их учет в правовом регулировании прав и свобод в сфере культуры, в регулировании организации и деятельности культурно-досуговых учреждений не исключает, а предполагает взаимообогащение и единство как национального, так и международного как в понимании культурных ценностей, так и в правовом регулировании прав и свобод в сфере культуры.

«Путь разума», который определяет развитие цивилизации культур, приводит к появлению коллективной собственности — знаниям. Это совершенно особый вид собственности. Чем большему числу людей будет доступна эта собственность, чем большее количество людей будут ее эксплуатировать, тем быстрее она станет расти. Будущность рода человеческого в значительной степени определяется тем, в какой степени люди смогут использовать эту коллективную собственность. Право на знание в конечном итоге делается однажды доминантной любого представления о системе прав и обязанностей человека. И юридические споры перейдут в дискуссии о путях нравственного развития человечества [20].

Выводы

1. При определении понятия прав и свобод человека следует исходить из диалектического, естественно-исторического понимания этих категорий, предполагающих одновременно их единство и с обязанностями человека и гражданина, с одной стороны, и с диалектической связью прав, свобод и обязанностей со всеми социальными процессами и их противоречиями, с другой стороны.
2. Права — это установленные законом пределы дозволенного социально полезного и необходимого поведения, отражающие правовые формы и способы удовлетворения потребностей и интересов человека (гражданина). Свободы — установленные законом пределы внутреннего волеизъявления личности, выражающие правовые формы и способы ее жизнедеятельности. Права и свободы диалектически взаимосвязаны и взаимообусловлены; они взаимопроникают и дополняют друг друга. Основу прав и свобод составляют конституционные права и свободы.
3. Права и свободы человека в сфере культуры — это предусмотренные законом пределы волеизъявления и дозволенной социально полезной и необходимой деятельности, которые предполагают как эталонный для данного общества уровень интересов и духовных потребностей личности, так и эталонные формы и способы их удовлетворения.

4. Исторически определенные пределы волеизъявления и деятельности; ее высшие духовные и материальные формы и способы; специфическая духовная и материальная сфера правоотношений; человек, личность как основные носители и субъекты этих отношений; права и свободы человека и гражданина в сфере культуры, диалектическое единство социально-политической и нормативно-правовой сторон сущности; высший для данного общества уровень потребностей и интересов как функционально-целевая установка деятельности — существенные составляющие признаки понятия прав и свобод в сфере культуры.
5. Методология законодательного и доктринального решения прав и свобод основывается на взаимоисключающих друг друга подходах к пониманию названных правовых категорий: субъективно-идеалистическом, неопозитивистском и естественно-историческом, диалектическом, — взаимодействие которых обуславливает противоречивость как законодательного регулирования этих категорий, так и их научного толкования.
6. Противоречия в методологии понимания прав и свобод неизбежно порождают и противоречивость их официальной трактовки в конституционных нормативно-правовых актах и при разрешении проблем социально-правовой защиты конституционных прав и свобод граждан, в том числе и в первую очередь в сфере культуры.
Основной проблемой социально-правовой защиты конституционных прав и свобод в сфере культуры в Республике Саха (Якутия) является декларативность их нормативно-правового закрепления и практики их социально-правовой защиты.
7. Коренной причиной указанных противоречий является системный кризис идеологии, всех уровней и форм общественного сознания, усугубляемый в окраинных субъектах Российской Федерации, каковым является Республика Саха (Якутия), плюрализмом идеологии, закрепленным в Конституции РФ, а также в международных нормативно-правовых актах. На практике плюрализм идеологии означает приоритет субъективно-идеалистического понимания прав и свобод и вытеснение естественно-исторической (диалектико-материалистической) теории прав и свобод человека. В конечном счете, он приводит к резкому размежеванию общественного сознания, к духовному разобщению общества и его ослаблению.
8. Для Республики Саха (Якутия) важно сохранять и умножать закрепленные в ее Конституции принципы национальной самобытности культуры народов, населяющих Крайний Север Российской Федерации, с одной стороны, и обогащать эту культуру духовными ценностями, правами и свободами в сфере культуры, закрепленными в Конституции РФ и конституциях других ее субъектов, с другой стороны.

Литература

1. *Henkin L.* The Rights of Man Today. Boulder, Colorado: Westview Press, 1978.
2. *Дубинин Н. П.* Вечное движение: Воспоминания. М.: Политиздат, 1989.
3. *Маркс К.* Тезисы о Фейрбахе // Маркс К., Энгельс Ф. Изб. соч. 2-е изд. Т. 3.
4. *Зиновьев А. В.* Конституционное право России: проблемы теории и практики. М.; СПб.: Торг. дом «Герда», 2000.
5. *Ильин И. А.* Собр. соч. в 10 т. Т. 4. М., 1994.
6. *Зиновьев А. В., Глуценко П. П. и др.* Конституционное право России: Учеб. пособие. СПб., 1997.

7. *Новый иллюстрированный энциклопедический словарь* / Под ред. А. М. Прохорова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
8. *Сальников В. П.* Правовая культура социалистического общества. Саратов, 1989.
9. *Комаров С. А.* Общая теория государства и права. М., 1996.
10. *Алексеев С. С.* Общая теория права. М., 1981.
11. *Глуценко П. П.* Правовая культура как средство совершенствования социально-правовой защиты граждан // «День науки» в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов: Мат-лы междунар. научно-практич. конф. (СПб., 21–25 мая 1997 г.). СПб.: СПбАУЭ, 1997.
12. *Ленин В. И.* Философские тетради // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29.
13. *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации: Учебник. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма–М Инфра, 1999.
14. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные соч.
15. *Пархитько В. П.* Личность, общество и человечество на пороге XXI века // Государство и право. 1999. № 11.
16. *Конституция РФ 1993 г.*
17. *Декларация о праве на развитие от 4 декабря 1986 г.* / Резолюция Генеральной конференции ЮНЕСКО от 4 декабря 1986 г.
18. *Резолюция Генеральной конференции ЮНЕСКО от 4 ноября 1966 г.*
19. *Резолюция Генеральной конференции ЮНЕСКО от 27 ноября 1978 г.*
20. *Каламкарян Р. А.* Права человека в России: декларации, нормы и жизнь: Мат-лы междунар. конф., посв. 50-летию Всеобщей декларации прав человека // Государство и право. 2000. № 3.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

В. В. Карпов

Социально-психологические феномены подразделений организации как факторы их эффективности

*V. V. Karpov. Socio-psychological phenomena in an organization's units
as factors of their efficiency*

Рассматриваются основные понятия и категории социально-психологических феноменов в контексте деятельности организации и ее подразделений. Анализируются мотивация сотрудников и стили руководства руководителей с точки зрения эффективности деятельности подразделений организации. Устанавливаются взаимосвязи социально-психологических феноменов организации с эффективностью различных подразделений организации и их актуальностью.

Ключевые слова: социально-психологический феномен, социально-психологический климат, потребности, ценностные ориентации, коллектив

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44, лит. А

The paper deals with the basic notions and categories of socio-psychological phenomena in the context of an organization's and its units' activity. Workers' motives and managers' styles are reviewed from the perspective of performance of the organization's units. A relationship has been established between the organization's socio-psychological phenomena and efficiency of various units and their topicality.

Keywords: socio-psychological phenomenon, socio-psychological climate, needs, value orientations, team

Contact information: 190103, Saint-Petersburg, Lermontovsky pr., 44, lit. A

Эффективность деятельности организаций, как показывают исследования, может быть произведена при учете объективных (экономических) и субъективных (социально-психологических) феноменов. К субъективным социально-психологическим феноменам, повышающим эффективность функционирования организации, относятся: благоприятный социально-психологический климат, стиль руководства, мотивация.

Американский психолог К. Левин для обозначения социально-психологического климата организации использовал понятие «социальная атмосфера», которое до сих пор встречается в работах некоторых авторов. Психолог не дал точного определения этому понятию, но среди его коллег принято, что под ним понимается некая совокупность психологических характеристик среды и что оно

Владимир Васильевич Карпов — профессор Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор педагогических наук.

© В. В. Карпов, 2011

является синонимом понятий «климат среды», «климат организации» [1]. Последнее понятие занимает устойчивое первое место и идентично понятию «организационный климат». Число определений понятия настолько велико, и они так разнообразны, что американские психологи предпочитают идти по пути выделения наиболее общих для разных определений признаков. Так, изучив точки зрения многих авторов, Р. Таджури считает, что климат — это относительно устойчивое качество внутренней среды организации, которое:

- а) чувствуется членами этой организации;
- б) влияет на их поведение;
- в) может быть описано по ряду измерений в ценностных понятиях, принятых организацией [Там же].

Нужно отметить, что часто понятие «климат» подменяется такими терминами, как «среда», «мораль организации», «культура организации».

Психологический климат — это эмоциональная окраска психологических связей членов коллектива, возникающая на основе их симпатии, совпадения характеров, интересов, склонностей. Климат отношений между людьми в организации состоит из трех составляющих. Первая составляющая — это социальный климат, который определяется осознанием общих целей и задач организации. Вторая составляющая — моральный климат, определяющийся принятыми моральными ценностями организации. Третья составляющая — это психологический климат, т. е. те неофициальные отношения, которые складываются между работниками. В целом этот феномен принято называть социально-психологическим климатом коллектива организации. Естественно при этом говорить о благоприятном социально-психологическом климате организации как основании для эффективности ее деятельности.

Благоприятный социально-психологический климат не является простым следствием провозглашенных девизов и усилий менеджеров. Он представляет собой итог систематической психологической работы с членами группы, осуществления специальных мероприятий, направленных на организацию отношений между менеджерами и сотрудниками.

Взаимосвязь между эффективностью организации и ее социально-психологическим климатом — основная проблема для руководителей компании, фирмы. Поэтому так значимо знание факторов влияющих на социально-психологический климат организации. Наиболее важными факторами, определяющими уровень психологического климата производственного коллектива, являются личность руководителя, а конкретно стиль руководства, и индивидуальные особенности членов коллектива. В этой связи представляется интересным изучение стиля руководства и мотивационного профиля сотрудников организации.

Литвин и Стрингер выделили три потребности, наиболее важные, по их мнению, для поведения индивида в организации:

- потребность в успехе (или «достижении»), выражающаяся в стремлении преуспеть, получить какие-то результаты деятельности, сопоставимые с определенными стандартами;
- потребность в обладании властью, выражающаяся в стремлении влиять на поведение других индивидов;
- потребность в аффилиации, т. е. желание иметь близкие, дружественные, межличностные отношения.

Другие авторы (например, Джоханнессон), не сумев найти точных измерений для климата, пришли к его отрицанию и подмене другими явлениями, в частности чувством удовлетворенности работой. Но было доказано, что объективные оценки

климата и субъективные оценки удовлетворенности работой часто не совпадают, что свидетельствует о различном содержании этих феноменов.

Многочисленные определения социально-психологического климата, предложенные на Западе, свидетельствуют, что везде говорится о взаимодействии индивида с организационной средой.

В отечественной психологии известны четыре основных подхода к пониманию природы социально-психологического климата [2].

Представителями первого подхода (Л. П. Буюева, Е. С. Кузьмин, Н. Н. Обозов, К. К. Платонов, А. К. Уледов) *климат* рассматривается как общественно-психологический феномен, как состояние коллективного сознания. Климат понимается как отражение в сознании людей комплекса явлений, связанных с их взаимоотношениями, условиями труда, методами его стимулирования. Под социально-психологическим климатом, считал Е. С. Кузьмин, необходимо понимать такое социально-психологическое состояние малой группы, которое отражает характер, содержание и направленность реальной психологии членов организации [Там же].

Сторонники второго подхода (А. А. Русалинова, А. Н. Лутошкин) подчеркивают, что сущностной характеристикой социально-психологического климата является общий эмоционально-психологический настрой. *Климат понимается как настроение группы людей* [Там же].

Авторы третьего подхода (В. М. Шепель, В. А. Покровский, Б. Д. Парыгин) анализируют *социально-психологический климат через стиль взаимоотношений людей*, находящихся в непосредственном контакте друг с другом. В процессе формирования климата складывается система межличностных отношений, определяющих социальное и психологическое самочувствие каждого члена группы [2; 3].

Создатели четвертого подхода (В. В. Косолапов, А. Н. Щербань, Л. Н. Коган) определяют *климат в терминах социальной и психологической совместимости членов группы*, их морально-психологического единства, сплоченности, наличия общих мнений, обычаев и традиций [Там же].

Таким образом, социально-психологический климат — это не сумма групповых состояний, а их интеграция; климат этот является результатом усилий всего коллектива. И в случае, если благоприятный климат состоялся, возникает удовлетворенность своим трудом и взаимоотношениями с сотрудниками. А это, в свою очередь, может проявиться во всей системе ценностных ориентации личности, являющейся членом данного коллектива. Таким образом, климат проявляется определенным образом и в отношении каждого из членов коллектива к самому себе.

Ряд авторов в качестве одного из важных факторов, оказывающих влияние на социально-психологический климат, выделяют управленческую деятельность руководителей. Но они, как правило, ограничиваются изучением влияния какого-то одного элемента системы управления, чаще всего стиля руководства или личных качеств руководителей, которые, безусловно, оказывают значительное влияние на климат коллектива, но не исчерпывают влияния всей системы управления.

Наиболее важными факторами, определяющими уровень психологического климата производственного коллектива, являются личность руководителя и система подбора и расстановки административных кадров.

Руководитель оказывает влияние практически на все факторы, определяющие социально-психологический климат. От него зависят подбор кадров, поощрение и наказание членов коллектива, продвижение их по службе, ор-

ганизация труда работников. При этом многое зависит от его стиля руководства.

Стиль руководства в контексте управления — это привычная манера поведения руководителя по отношению к подчиненным, чтобы оказать на них влияние и побудить их к достижению целей организации. Степень, до которой управляющий делегирует свои полномочия, типы власти, используемые им, и его или ее забота, прежде всего, о человеческих отношениях или, прежде всего, о выполнении задачи — все отражает стиль руководства, характеризующий данного лидера.

Выделено три «классических» стиля руководства: авторитарный, демократический и попустительский (нейтральный).

Среди характеристик, обеспечивающих достижение успеха в деятельности как руководителей, так и исполнителей, мотивационные являются наиболее существенными [4].

При этом изучается так называемый мотивационный профиль личности, как интеграция мотивационных типов.

Известно, что мотивационные типы можно разделить на два класса:

- *избегательная мотивация* — человек стремится избежать нежелательных для себя последствий своего поведения;
- *достижительная мотивация* — человек стремится достичь определенных результатов, к которым стремится.

Различают следующие «чистые» типы мотивации:

- 1) люмпенизированный (избегательная мотивация);
- 2) инструментальный (достижительная мотивация);
- 3) профессиональный (достижительная мотивация);
- 4) патриотический (достижительная мотивация);
- 5) хозяйский (достижительная мотивация).

Основные факторы психологического климата: взаимоотношения по вертикали и по горизонтали, их стиль и нормы, различные составляющие производственной обстановки (организация и условия труда, система стимуляции) — все это зависит в целом от степени развитости коллектива.

Оценка степени благоприятности влияния системы управления, ее элементов и характеристик на социально-психологический климат коллектива требует четкого выделения признаков благоприятности, градации социально-психологического климата по степени благоприятности. Мы воспользовались двумя признаками: отношением членов коллектива к состоянию управления и фактическим управлением. Первый признак дает основание для оценки удовлетворенности/неудовлетворенности, широко используемой в практике исследований социально-психологического климата, а также оценки адекватности/неадекватности восприятия системы управления; второй — для оценки того, что вызывает удовлетворенность/неудовлетворенность и что воспринимается членами коллектива.

Типология социально-психологического климата по критерию связи с управлением (по Г. М. Андреевой) дает возможность дифференцированно оценивать влияние системы управления, ее элементов и характеристик на климат коллектива на основе полного и правильного анализа его составляющих.

Нас интересовало, насколько, в каких пропорциях соотносятся такие характеристики коллектива, как социально-психологический климат, мотивационный профиль и стиль руководства.

Исследование было проведено в компании по закупке материально-технических ресурсов, в которой путем наблюдения были выявлены разные стили

руководства и разные состояния социально-психологического климата. В выбранной компании существует несколько однородных структурных подразделений, которые по социально-психологической классификации являются малыми группами. В эти подразделения входят менеджеры по закупке материально-технических ресурсов. Они выполняют функционально одинаковую работу, отличие состоит только в наименовании материалов. В каждом подразделении есть свой руководитель.

Были выделены восемь малых групп. Каждая группа состояла из 6–8 человек, включая руководителя подразделения.

Использовались следующие методики:

- а) для оценки социально-психологического климата — экспресс-методика О. С. Михалюка и А. Ю. Шалыто;
- б) для исследования стиля руководства — методика «Стиль руководства» А. Л. Журавлева и методика «Самооценка стиля руководства»;
- в) для исследования мотивационного профиля — анкета.

Результаты исследования социально-психологического климата

Все компоненты социально-психологического климата носят положительный характер: из 8 исследуемых малых групп пять имеют весьма благоприятный климат, две — в целом благоприятный и одна — противоречивый и неопределенный.

Результаты исследования стиля руководства

Для изучения стиля руководства были использованы две методики. По первой методике («Самооценка стиля руководства») руководитель оценивал себя сам, по второй — руководителя оценивали его подчиненные («Стиль руководства» Журавлевой).

По методике «Самооценка стиля руководства»: из восьми исследованных руководителей у троих высокая степень выраженности демократического стиля, у четверых — средняя степень выраженности демократического стиля и у одного — средняя степень выраженности авторитарного стиля. Это подтверждает наши наблюдения и свидетельствует о том, что эти руководители с разной степенью пытаются сделать обязанности подчиненных более привлекательными, избегают навязывания им своей воли. Они вовлекают их в принятие решений, предоставляют свободу формулировать собственные цели на основе целей организации, что повышает степень мотивации сотрудников к работе, и в то же время не оставляют довольно жесткий контроль над ними и их работой.

Одновременно стиль своих руководителей оценили сотрудники.

Половина руководителей оценена ими как демократичные в чистом виде, а у четырех руководителей, по мнению персонала, стиль получился смешанный: двое — демократическо-авторитарный, двое — демократическо-либеральный.

Отсюда можно заключить, что большинство руководителей адекватно оценивают свой стиль руководства, так как их самооценка и оценка сотрудников совпадают.

Результаты исследования мотивационного профиля

Выявлены достоверные различия по всем мотивационным профилям.

В трех группах почти равное количество баллов имеют два типа мотивации: профессиональная и инструментальная. Наибольшее значение в обеих группах имеет профессиональный тип мотивации, что указывает на интерес к работе

как к таковой. Но наряду с этим инструментальный тип мотивации, имея почти одинаковое количество баллов с профессиональным типом мотивации, показывает, что для некоторых членов данных групп главным является возможность самовыражения на работе.

В других двух группах наибольшее значение имеют показатели по инструментальному типу мотивации. Это говорит о том, что члены данных групп относятся к работе утилитарно как к инструменту для удовлетворения своих потребностей.

В одной из групп обнаружилось высокие показатели по патриотическому типу мотивации, что указывает на то, что для ее членов главная награда — всеобщее признание незаменимости в фирме. Но близки по значению к показателям по патриотическому типу мотивации и показатели по люмпенизированному типу мотивации, что, в свою очередь, можно интерпретировать как желание коллектива свести свои усилия для достижения цели к минимуму.

Доминирующее значение в одной из групп занимают показатели по профессиональному и патриотическому типам мотивации. Это свидетельствует о том, что людей данной группы интересует не утилитарно работа, а и общая идея фирмы и направленность ее деятельности.

Одна из исследуемых групп оказалась уникальной по мотивации, показав высокие показатели по ее патриотическому типу и тем самым утвердив, что всеобщее признание незаменимости в фирме для них — главная награда.

Результаты корреляционного анализа показывают, что профессиональный профиль мотивации имеет сильную положительную связь с авторитарным (0,72) и либеральными стилями руководства (0,74). Иными словами, чем выше интерес персонала к работе, тем важнее для него профессиональное признание, тем более значимы для него полярные стили руководства. Предположительно это связано с тем, что для человека с доминирующим профессиональным профилем мотивации важным является возможность самовыражения, а это, в свою очередь, возможно, либо при жестком контроле либо при полном его отсутствии.

Высокая положительная корреляционная связь (0,71) между хозяйственным типом мотивации и демократическим стилем руководства свидетельствует о том, что демократичность руководства предполагает и большую ответственность. Эта ответственность добровольна и обусловлена демократическим стилем руководства.

Логично предположить, что для человека с патриотическим профилем мотивации не приемлем либеральный стиль руководства. Для персонала с данным типом мотивации важно признание руководством незаменимости их в фирме, а либеральный (попустительский) стиль руководства не предусматривает такого отношения к работнику. Это и подтвердилось отрицательной корреляционной связью между показателями патриотического профиля мотивации и либерального стиля руководства (-0,73).

Помимо этого в исследовании были выявлены следующие тенденции.

Обнаруженная связь поведенческой составляющей социально-психологического климата с инструментальным профилем мотивации (при $p = 5\%$) (0,67), который идентифицируется с материальной стороной профессиональной деятельности, говорит о том, что желание работать в фирме зависит прямо пропорционально от обоснования оплаты труда, что ярко наблюдается в одной из групп сотрудников.

Тенденция отрицательной корреляционной связи между поведенческой составляющей социально-психологического климата и люмпенизированным профилем

мотивации ($-0,69$) указывает на то, что чем меньше человек хочет работать в данном коллективе, тем больше он сводит свои усилия к минимуму. Иными словами, нежелание работать в коллективе прежде всего проявляется в низкой активности и ответственности сотрудника.

Полученная в исследовании высокая корреляционная связь между поведенческой составляющей и демократическим стилем руководства ($0,66$) говорит о другой тенденции: с возрастанием интереса со стороны руководителя к неформальным отношениям между членами коллектива повышается их желание работать и общаться. Что позволяет, в свою очередь, спрогнозировать благоприятные межличностные отношения в коллективе.

Отрицательная корреляционная связь между люмпенизированным профилем мотивации и демократическим стилем руководства ($-0,68$) подтверждает, что чем больше выражен демократический стиль руководства, тем менее человек стремится к снижению интенсивности трудовой деятельности. Таким образом, чем объективнее будет руководитель, тем выше будет активность у подчиненных.

Отрицательная связь между люмпенизированным профилем мотивации и либеральным стилем руководства ($-0,66$) может говорить о том, что чем более выражен либеральный стиль руководства, тем более человек старается отвечать за свой труд и не должно наблюдаться стремления к снижению трудовой активности. Руководитель-либерал в группах людей ответственных может давать свободу действий своим подчиненным, не боясь снижения их активности. Либеральный стиль руководства в определенных условиях состава членов рабочей группы может показывать неплохие результаты.

Был проведен качественный анализ данных, полученных методиками «Самооценка стиля руководства» и «Оценка стиля руководства сотрудниками» и экспресс-анкетой на социально-психологический климат. Обнаружено, что при адекватной самооценке стиля руководства самим руководителем социально-психологический климат коллектива более благоприятный: это нашло отражение в конкретных подразделениях компании и подтвердило связь благоприятного социально-психологического климата с эффективностью деятельности подразделений. Поэтому можно говорить, что социально-психологический климат зависит не только от стиля руководства, но и от степени адекватности стиля руководства, а также мотивационного профиля персонала, что безусловно следует связать и с эффективностью деятельности подразделений как малых групп.

Последнее было продемонстрировано руководству компании, с чем оно согласилось и связало свои последующие управленческие решения.

Исходя из концепции многофакторности социально-психологического климата и на основании эмпирических данных можно заключить, что социально-психологический климат зависит не только от стиля руководства и мотивационного профиля, но и от их соотношения. Выбор этого соотношения — прерогатива кадровой службы компании.

Литература

1. *Организационная психология* / Сост. и общ. ред. Л. В. Винокурова, И. И. Скрипюка. СПб., 2000.
2. *Почебут Л. Г., Чикер В. А.* Организационная социальная психология: Учеб. пособие / СПб., 2000.
3. *Социально-психологический климат коллектива и личность* / Под ред. В. В. Бойко, А. Г. Ковалева, В. Н. Парферова. М., 1983.
4. *Белов В. В., Карпов В. В.* Мотивы деятельности руководителя военной организации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2.